

Николай Левченко

ИЗ ИСПАНИИ С ЛЮБОВЬЮ

16+

Николай Левченко
Из Испании с любовью

«Автор»

2018

Левченко Н. И.

Из Испании с любовью / Н. И. Левченко — «Автор», 2018

ISBN 978-5-532-99496-6

Эта книга написана на стыке двух жанров – семейной хроники и политического детектива. Хотя она была задумана как продолжение романа «БЛЕФ», но по своему сюжету является вполне самостоятельной. Ее основное действие происходит в Западной Европе, куда герой приезжает, чтобы найти свою пропавшую жену и сына. Его поездка вызывает интерес спецслужб, которым надо, чтобы он привел их к одному из криминальных персонажей, близких знакомых его жены. Герой чувствует, что за ним следят, и оказывается перед дилеммой выбора.

ISBN 978-5-532-99496-6

© Левченко Н. И., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	37
Глава 5	43
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Николай Левченко

Из Испании с любовью

Глава 1

Глаза и с жадностью и наслаждением смотрели, как издали, всё круче поднимаясь водной толщей, властно подминая под себя морскую хлябь и подгоняя тучной грудью небольшие волны, шел на разогретый средиземноморский берег этот вал. Ближе, у скалистой глыбы, гагатовым блестящим каблуком взмывающей над пенными ложбинами, он царственно оброс во всю длину крутящимся стеклянным гребнем, готовый раздробиться, как призадумался и замер на мгновение, но не пожертвовал своим лилейно-малахитовым венцом, и так, не разбиваясь, миновал препятствие, прежде чем исчез из поля зрения совсем. Нижнего клокочущего края бухты видно не было, тот прятался за выступом обрыва. И через две секунды стало слышно, как стена воды с глухим протяжным грохотом обрушилась на литораль со всеми ее крабами, полипами, головоногими моллюсками и водорослями. Ревностно, рассеиваясь на мириады брызг, она ударилась о каменисто-илистое взбаламученное дно и, полностью еще не укрощенная, ревела под ногами, ворочая, расшвыривая и оmyвая камни. Стихия вроде бы давала бенефис или что-то праздновала, причем в своей естественной красе ей было все равно, кто перед ней... В небе – голубоватой перистой перкалью опускавшемся за усеченный гранью водного пространства горизонт, был яркий расплывающийся след от самолета, который пролетел до этого. Выписав дугу над морем, он шел светящимся веретеном, как шелкопряд беззвучно оставлял за оперением инверсионный волокнистый шлейф. По траверсу он находился где-то около Менорки, но все еще был виден под лучами солнца, в своей волнующей недостижимости заманчиво поблескивал крупницей никеля вдали. Береговая линия песчаника, тянувшаяся как ржаной изгрызенный сухарь по обе стороны от мыса, здесь делала сюрприз из скал – изрезанный водой и воздухом паноптикум, сродни античной греческой камее. Тот был представлен маленькими выветренными гротами, невиданным нагромождением камней, лежащих этажеркой друг на друге, и отступавшими от берега утесами. И перед ним ширяли и планировали над водой большие, черно-белые, с вильчатыми длинными хвостами, напоминавшие океанических фрегатов птицы.

Центр разморенного июньским зноем городка был километрах в четырех-пяти, левее мыса с маяком, к которому вела через предместье вдоль холма – отрога то ли Пиренеев, то ли Каталонских гор, развилком с главной трассы, заасфальтированная узкая дорога. Запечатленный на любительской открытке вид – маяк и холм за ним, были как сознательной приметой этого живого и обласканного солнцем уголка в северо-восточной стороне Испании. В окат простроченный нарядными стебельчатыми швами виноградников холм, что возвышался за спиной сейчас, был похож на взнузданную морду жеребца, вприщур, каким-то островерхим помутнением, как отпечатком пальца на бумаге, смотревшего на мыс и бухту. На чистом, не графленном обороте открытка снабжена была невнятным и тревожным послесловием, которое, коль опустить слова стандартных пожеланий, читалось, так: *не забывайте обо мне, мне очень жаль!* Своей стилистикой оно напоминало серию других, таких же красочных открыток с видами портовых европейских городов, запечатленных с птичьего полета, которыми Елена словно бы давала знать, что не жалеет ни о чем, без памяти довольна своей жизнью, счастлива и хорошо устроилась. Присланное фото являлось как бы продолжением той серии, достаточно понятным для того, кто видел прошлые послания: слабо проступающим налетом меланхолии оно воспринималось терпким и расчетливым контрастом к ним.

Пытаясь разровнять растрепанные ветром волосы, мужчина оторвал взгляд от обрыва. Почти спокойные у городской лагуны воды – с ожесточенным ликованием бурлили в этих скалах, как вымещали накопившееся недовольство. Площадка, на которой он стоял, болкатым замкнутым с боков карнизом шла над морем. Для неуверенных в себе самоубийц от рубчатой дорожки под ногами пропасть отделяла в наклон натянутая за балюстрадой сетка. Думая увидеть неутихающий водоворот внизу, он сделал семь шагов до вырубленной в камне стенки. Наружный бок скалы за ней был выпуклым и ограничивал обзор. Держась за вбитый в стенку штырь, он перегнулся над перильцами, взглянул на обволоченные пеной камни... Когда стоишь вот так у края бездны, то это разом пробуждает и животный страх, и смутное влечение: желание полета, хотя бы сопряженного с угрозой смерти, встроено в наш шаткий разум с самого рождения, оно дается нам как некая прививка на всю жизнь. Но чему быть, того не миновать, уж это точно. Страх он не ощущал; опасность пока тоже не была конкретной. Штырь был захватанным до блеска, прочным и холодным. Подергав тот, он усмехнулся над собой и перешел на то же место. Чтобы начать отсчет отпущенного времени и всех, зависящих теперь во многом от него причинно-следственных событий, он мог сказать себе в дурном порыве экстатического самоутверждения: ну вот я и приехал! А если ты куда-нибудь уже приехал, нет никакого смысла спрашивать себя, *зачем*. Посадка в самолет, летевший через Франкфурт до Мадрида, и нудные досмотры багажа прошли перед глазами кувырком, ничуть не отвлекая от главной и конечной цели путешествия. Дело было не открытке, что взял он у родителей пропавшей без вести Елены, ну, или не только в ней. С тех пор как она канула в безвестность – сначала для него, затем – и для своих родных, с сыном он встречался всего раз, когда его жена, с которой они не были еще по правилам разведены, приехала на месяц погостить к отцу и матери. Тогда же у них состоялся краткий разговор, какой бывает между не поделившими чего-то ранее супругами, то есть, очень милыми тактичными людьми, уже заметно поостывшими друг к другу, но рефлекторно предъявляющими прошлые счета. Вопрос был в мальчике, будущность которого тревожила. Обеспокоенность была и в частности – из-за объективных упущений в чисто женском воспитании, и в целом как о сыне, который был вне сферы досягаемости. Делая упрек, Елена рассуждала здраво, не признавала ни моральных доводов, ни оправданий. Да, пока они ни разошлись, он слишком мало уделял внимания ребенку, думая, что с возрастом, когда у мальчика проснется тяга к знаниям, тот сам приблизится к нему, захочет взять в различных представлениях ума все то, что восходящему ростку с мужским набором хромосом и надо. Елена подкрепляла этот взгляд на вещи тем, что, видя его состояние *тогда*, и чувствуя, что близится разлад в их отношениях, она, естественно, стремилась сделать так, чтобы ребенок был поближе к ней, чтобы впоследствии, как вырастет, не «задавал вопросов». Понятно, что как мать она старалась выбирать из двух зол меньшее и следовала в этом прагматичной логике, прямолинейной и безжалостной, как это водится в подобных случаях у женщин. Ее претензии отчасти были справедливы: прежде чем почувствовать нормальную потребность в сыне как в существе, которому он мог бы что-то дать, он должен был сначала сам очиститься, освободиться ото всех психологических болячек. Елена же была охвачена тогда желанием скорейших перемен, ну и, как уж говорится, – *с глаз долой, из сердца вон!* (Она об этом не сказала, чтобы не обидеть его, но подумала). «Сначала все глазами любят, – пробовал он возразить. – Затем на смену этому приходит понимание». Она с ним согласилась, сказала, что тяжело переживала их разрыв, но оставлять ребенка отказалась. Это было апогеем ее искренности. «Прости, но у меня свои соображения!» И он решил не говорить о том, что уже предвидит ее неустроенность. Самолюбивый вспльчивый апломб препятствовал ей заглянуть чуть-чуть подальше, – могла ли она знать тогда, что с ней самой чего-нибудь случится? Но так уж ее гордость рассудила: за те поступки, что осознаны, мы после отвечаем сами. Поэтому, случилось с ней самой чего-то или нет, его не волновало. Ее исчезновение, присланная странная открытка, до этого – звонок то ли из Испании, то ли из Франции, когда мать не узнала ее голоса – он был подавленным и

слабым, она тянула, хотела что-то рассказать, но так и не отважилась. А также связанное с тем по касательной – желание помочь ее не больно расторопным домочадцам, все это было косвенной причиной, как предлог, чтобы сюда поехать. Такой предлог, – подумал он, поглядывая на круживших у карниза птиц, – за зримой объективностью которого в сердце вырисовывалось что-то большее. Маша проявляла деликатность. Когда он уходил из дома, ее немой полу-упрек – полу-вопрос в глазах, который он неоднократно задавал и самому себе, был не от ревности. Каким *предлогом* было то, в чем он убеждал себя, отправившись сюда, заведомо уж зная, что на неделю или на две снова окунется в прошлое? И стоило ли залетать в такую даль, только чтоб на месте убедиться в этом?

Он на секунду обернулся, поглядел на холм, по-прежнему смотревший сверху как бельмом меж виноградников. Кольцо дороги, где он припарковал автомобиль, скрывалось за постройками у маяка и рощицей олив перед натоптанным туристами и овцами подножием. Так вот: думаешь, что навсегда расстался с прошлым, подчистил все свои долги, а оно нет-нет опять находит непорядок где-то у тебя в душе, скребет на ней и возвращается. Всегда есть превентивная боязнь и искушение взглянуть на самого себя со стороны. Пожалуй, если он хоть в чем-нибудь и превзошел себя за эти годы, так это в том, что на виду почти никак не проявлялось: для окружающих – по внутреннему складу и самооценке это был все тот же человек, известный всем как Статиков. То есть, если бы его спросили, думая оспорить это положение, то он бы возразил, что собственно таким всю жизнь себя и помнил. Пусть это было скрытой стороной его характера, но и любой, кто знал его когда-то, мог сказать, что не изменился и его физический портрет. Ну, разве что порезче стали выделяться на лице голубоватые, задумчиво глядевшие как внутрь себя глаза у правильного, с небольшой горбинкой носа. Светлые, густые и прямые волосы, при ладно скроенной фигуре, в которой ощущались и уверенность и искра благородства – такой неброский, будто затаенный шик, достались ему, видно, от отца, довеском. «Ну, это как у дипломатов, – подшучивала Маша. – Хочешь обхитрить меня! думаешь, что никогда не постареешь? Когда ты бреешься, тебе ни хочется сложить балладу о себе?» Маша, говоря это, видимо, сверяла его облик со своею внешностью, если обнаруживала мелкие морщинки возле глаз. Нет, он не хотел спеть о самом себе балладу. Ему хотелось, чтоб и Маша, глядя на него, была как вечно молодая Геба. Она подтрунивала над его мужским эгоцентризмом с присущей тому жаждой вечной молодости рядом и недоумевала, как это он может всех любить. Она считала, что это тоже эгоизм, и, перекраивая смысл, с иронией цитировала из «Книги Мертвых»: «*Если я живу, живет и она, если я старею, стареет и она?*» Пусть так, пусть эта и душевная и сексуальная потребность тоже эгоизм. Но как себе откажешь в удовольствии вообразить почти что невозможное, лишит себя тех представлений, что делают биологических существ людьми, того разумного ростка, благодаря которому мы и добиваемся чего-то. И разве тот же эгоизм не может оказаться плодотворным, созидательным? Маша была далеко сейчас; и далеко – и нет. Она умела это делать: не расставалась с ним на протяжении всего полета. Вниманием своих проникновенных теплых глаз, рукой с отставленным перстом, мгновенно поправлявшей пряди у виска, и детской ямочкой у подбородка – подобно ангелу-хранителю являлась взору над лоскутным покровом облаков. Она хотела проводить его до аэропорта, но в самую последнюю минуту, когда уже подъехало такси, и надо было выходить к подъезду, передумала, сказала, что они простятся, как это поется в песне, прямо у порога; и она будет ждать, когда он позвонит – два длинных и один короткий. «Ты веришь в это или знаешь?» – спросил он, улыбаясь. «А ты как думаешь? Тебе перед отлетом надо мысленно собраться, я буду там помехой». Она хитрила: решила не смущать его своей опекой в аэропорту, а заодно уж не терзаться после, оттого что он там был наполовину, как и не ее.

Скарб размышлений был с остаточным комфортным ощущением, как стоптанные тапочки. Это отвлекало, и он смотрел на остроклювых чернокрылых птиц, метавшихся перед обрывом. Они не подлетали близко, метрах в десяти-пятнадцати от берега свертывали крылья

под косым углом, но тут же резко взмахивали ими, будто кланяясь, и разворачивались. Фрегаты это, или нет? *Fregata magnificens* вроде. Птицы перелетные, хотя неясно, как они тут оказались. Было впечатление, что они о чем-то спорят, вторя нестареющей максиме: чужие страны становятся нам иногда родными. Нет, дело даже и не в том, о чем ты думаешь, когда ты все же думаешь, а в том – зачем. Плеск разбивавшихся о камни волн и перекрикивание птичьей стаи вводили в отвлеченную пространственность мысли, направить их в желаемую сторону что-то все никак не удавалось... Был уже десятый час. Думая, что предпринять, он вновь прошелся по карнизу. В легких полотняных джинсах, в которые он сразу же переоделся, чтобы быть и в несколько цивилизованном виде и не шибко выделяться, было все равно и тесно и невыносимо жарко, хотелось скинуть их, спуститься вниз и окунуться, как если б там была река. Показывая прелесть своих ног, здесь все ходили в шортах и в таких зауженных у модниц – как бы галифе в цветочек. Природно-смуглым цветом кожи он не отличался, поэтому в своем отглаженном костюме чувствовал себя инспектором как на большом нудистском пляже; к тому же, как и эти птицы, говорил на непонятном языке. Уж такова была реальность. С Машей они жили вместе девять лет. И дома жизнь была реальной, то есть отражалась так в сознании постольку, поскольку каждый в ней участвовал и приносил какую-либо пользу. Стоило остаться им наедине, как они тут же забывали обо всем, что находилось *там*, и оболочкой того состояния уже не жили. В том хосписе, где, совмещая это с частной практикой, вкалывала на полставки Маша, жизнь была исполнена страданием и болью угасания, а у него – утратой веры в себя тех людей, которых он по настоятельности Маши консультировал. Она считала, что он может и обязан помогать другим, ибо испытал все то же на самом себе. Но это было *там*. Когда же они находились рядом, то это состояние вербально можно было бы определить и как отсутствие земного хода времени. Да, они его не замечали и, понимая это, более всего боялись оторваться от действительности, утратить «рассудительность и бдительность», словами Маши. Ну, то есть каждому хотелось верить, что эта тонкая вневременная связь не застилает им глаза. И оттого что оба рассуждали так, со временем в их общем мире тоже стали обнажаться свои рифы и ухабы. В вялотекущем настоящем у каждого зияли разные прорехи от совокупности незавершенных в прошлом дел. И чем полнее было единение меж ними, острее ощущалось собственное бытие, тем глубже было осознание любых просчетов и долгов. Так что связанное с этим восприятие, возможно, было движущим мотивом и краеугольным камнем всей поездки. И как бы не было им с Машей сладко, но чувство внутренней причастности тому, чего, казалось бы, навек ушло, переместившись из России на другой конец материка, не покидало. Чего касается практических задач, то он как сильно выраженный интроверт с глубокой недоверчивостью относился к методам дедукции, предпочитая полагаться более на интуицию или, проще говоря, на тот же ум, преобразуемый содружеством нейронов в опыт. Надежд на то, что он, используя одну эту открытку, пойдет по следу и разыщет мать с ребенком, было мало.

Поставив в этом пункте размышлений знак вопроса с двумя точками, он развернулся и по дорожке, уводившей от балясин у обрыва, чтобы сократить обратный путь, вошел под сень оливковых деревьев. Рощица была такой же, что и на открытке. До этого, когда он шел в обход ее, казалось, что маслины стоят порознь, купама. Но, оказавшись среди них теперь и пробираясь наугад, он понял, что, потеряв едва приметную в щербенистой траве тропу, здесь с непривычки можно заблудиться. Врезаясь в слой песчаника уродливо желобчатыми комлями, раскидистыми ветвями с бахромчатой листвой деревья вширь перекрывали небо, они и укрывали своей тенью и сбивали с направления. Автостоянка была дальше и правее. Шоссе, которым он приехал, здесь заканчивалось, делало петлю у рощицы олив и возвращалось стороной от побережья к югу, вдоль протяженного, хребтами запряженных буйволов вдаль уходившего нагорья. Другая, более живая магистраль от города шла юго-западнее – в Барселону, через окружной центр Альт-Эмпорда – Фигерас. Две переснятых дома карты с испанскими и русскими топонимами, которые он взял в дорогу, не ограничиваясь тем, что было у него в смартфоне,

лежали в бардачке «Сеата». Но карты не давали никакого представления о людях. Туристы на автомобилях, что, переехав через Пиренеи, катились в отпуск на горячие пески Валенсии и ради любопытства, сделав крюк, заскакивали в этот именитый городок, при выезде – или по ошибке или чтоб полюбоваться видом, должно быть, часто заворачивали к мысу по боковой, лишенной указателей дороге. Созданный как походя рукой природы, которая, исполнив свою миссию, тут же поспешила дальше, этот уголок должен был бы охраняться властью или местными экологами, иначе кто-нибудь уже открыл бы тут доходный ресторан... Держась того же направления и предполагая отыскать кого-нибудь из местных жителей, он повернул поближе к берегу, правее того места, где припарковал автомобиль. Вившаяся между комлями тропинка потерялась под ногами и метров через пятьдесят оливковая рощица, лишив навеса под палящим солнцем, кончилась. На огороженной площадке перед конической колонной маяка был светлый домик, крытый по шипцу как раскаленной, в цвет моркови, черепицей. При виде той он сразу ощутил, что в горле пересохло. Пришлось утешить себя тем, что в номере не слишком звездного отеля, где он остановился, есть про запас бутылка красного вина, которую он сунул утром в холодильник. Выйдя на дорожку, шедшую по краю рощицы, возле маяка он заметил мужскую смуглую фигуру. Расчет на то, что он, не зная языка, чего-то разумеет, был неоправданно завышен. И все-таки хотелось убедиться кое в чем.

Навскидку парню можно было дать лет двадцать пять от силы. Он был с коротким острым носом, с темными азартными глазами, с модельной стриженной бородкой от висков до подбородка и с татуировкой у запястья. На нем, конечно, были шорты с расстегнутой до живота рубашкой. Увидев направлявшегося к нему незнакомца, он торопливо, но без видимой охоты развернулся, окинул мало обнадеживающим взглядом и дипломатически шагнул навстречу. В его руке был включенный фонарик в виде авторучки, который он покручивал, косясь на приоткрытый люк у входа на маяк: давал понять, что он тут не какая-нибудь мелкая персона, весьма ответственен и очень занят.

– Hola, buenos dias! Speak you English?

– Buenos dias! I speak a little. What do you want?

Запас испанских слов у Статикова был небогат: перед отъездом от разных лавиной навалившихся хлопот на расширение своих познаний в этом языке уже не оставалось времени. Более привычный здесь французский – был ему знаком лишь по объемному труду Рабле, словарь и синтаксис которого мог сильно устареть. Ввиду того дальнейший разговор пошел на ломаном английском, который парень тоже знал не лучше.

– You're from Russia, straight from Moscow – what? Why did you come here? Oh, you want to find your wife!

При слове «рашэн» тут все будто выходило из дремоты и начинали, толерантно улыбаясь, вглядываться вам в лицо. Но парень сделал бессознательную оговорку: 'wife' в его произношении звучало более как 'waif'. О сыне Статиков ни слова не сказал: версия с отправившейся в турпоездку и не воротившейся женой, как он полагал, была гораздо убедительнее для мужского понимания. Дома, тем, более практичным людям, с которыми по роду своей деятельности соприкасалась Маша, трудно было объяснить, чего это они уже столько лет вдвоем, но как ничуть не помышляют о потомстве, так и живут не расписавшись. Наверное, им виделась тут некая интимная задоринка, о каковой они знать не могли, но от души ей втайне соболезнавали. Маша, предугадывая, что ей придется быть наполовину мачехой, боялась ревности детей друг к другу, хотела, чтобы тот ребенок, которого она еще не видела, хотя он был ей уже дорог, сначала к ней привык. Она была убеждена, что педагогически так будет лучше, и уверяла, что как всё образуется, незамедлительно подарит Статикову дочь. «Хватит с тебя одного наследника, не все же мне одной всё за тобой ухаживать!» Да, о внутренней причине своей нерадивости они не говорили вслух, поэтому никто из этих, в общем-то, и милых и отзывчивых людей не представлял того, что у него еще есть сын. Но главное, что он и Маша это знали. И тот вопрос,

который был определенным долгом *одного*, им виделся все более насущным, требующим полного решения уже для них обоих. Но это было – там, в том светлом чудодейственном чертоге, который укрывал их своим кровом и назывался просто *домом*. . . Есть в каждом словаре такие ключевые словоформы и понятия, которые в каком-либо одном своем значении выходят из употребления, со временем во мнениях людей оказываются архаичными; скажем, если их чураться или же неправильно употреблять. Имея с Машей по вопросу «дома» и сопряженного с тем смысла одинаковый подход, они не обсуждали это, но всегда держали при себе. И говори он даже в совершенстве на испанском и будь на то великое желание, всем встречным более детально этого не объяснишь.

Глядя в красноватое и остроносое лицо испанца, которое переменилось постепенно с любопытства на сочувствие, – насколько позволял чужой язык, он описал то положение, в котором оказался, когда «три месяца назад» он посадил на самолет свою жену, простился с ней и больше уж с тех пор не видел. При помощи английских слов, передававших состояние души буквально и без модально-чувственных перестановок, сделать это было нелегко. Закончив, он приготовился достать открытку, которая была с бумажником в кармане джинсов.

Выслушав его мудреную тираду, парень заявил, что лучше было бы пойти в полицию, что здесь так принято. Он был словоохотлив – чувствовалось, не прочь был пообщаться, при этом, чтобы было более доходчиво, возвысил голос и, разводя руками, начал рассуждать о чем-то по-испански. И только когда Статиков прервал его, сказав, что ничего не понимает, по-прежнему вертя в руке фонарик, повторил:

– How'd I know? I'm assistant lighthouse keeper. Sorry, but what's all that to me? You need some kind of detective. You see?

Умеренный запас английских слов смирял его экспрессию. Не уточнив где это было, Статиков сказал, что он уже ходил в участок, но там огородились от него бумагами, сказали, что это должен быть международный розыск. В «the country where I live», добавил он, порою тоже принято ходить в полицию (чего на самом деле было сделано отцом Елены), но почему-то всем на этот розыск наплевать. Он постарался объяснить помощнику смотрителя, что хочет просто убедиться в том, что его пропавшая и горячо любимая жена еще жива. И показал открытку – всё, чем он располагал, чтобы разыскать ее. Открытка была послана кустарным способом, не электронной почтой. Снимок мог быть сделан с яхты или с вертолета: маяк, с перспективой на зеленеющую рощицу олив перед дорогой и на возвышавшийся за мысом виноградный холм.

С тем же выражением, как он вертел до этого фонарик, парень покрутил в руках цветное фото и пальцем ткнул в размытость на холме, которая казалась, если не присматриваться, лошадиным глазом.

– It was recently. The speck wasn't to be seen two months ago, that is unfinished coast-tower. Do you understand? You need to tell the police, to tell about it.

Поглядывая виновато, он протянул назад открытку и опустил свой крошечный фонарик, пробуя пустить невидимый луч света в люк:

– I mean it should be better. Sorry for my language.

Отметив про себя, что малый, кажется, достаточно смекалист, Статиков убрал открытку в джинсы и достал бумажник.

– Maybe you'll recollect something? Anything is possible. Just to make sure.

Он вынул заготовленный листок, в котором под своей фамилией также указал название отеля, где остановился. Манипуляцию с бумажником парень распенил иначе, состроил, было, кислую гримасу. Затем, пожав плечами, взял и прочитал записку.

– Well... okay! I'll take heed to do it. I'm very busy just now, sorry. *Los suertes!*¹

На этом теплом пожелании они расстались.

¹ Удачи! (исп.)

Вдоль ограждения из параллельных труб на сваях, выкрашенных в тот же цвет, что домик, Статиков направился к своей автомашине, перед которой уже был, затмив ее своим экстравагантным видом, открытый красный «Кадиллак». В том, что он узнал, была хотя бы малая зацепка. Если снимок сделали недавно, то можно было бы надеяться, что и Елена с сыном где-то здесь: вестей о ней не стало раньше, чем пришло это послание. Но если с ней или с ребенком впрямь чего-нибудь стряслось, то, что могло ее заставить так внезапно замолчать, не сообщить своим родителям ни слова и после, как с расчетом, что ее начнут разыскивать, отправить почтой это фото? Мысль была банальной, он задавался этим же вопросом еще дома. Ну, видимо, в душе она надеялась, что мать покажет ему фотографию, – думала, что он все также, даже и на расстоянии, может чувствовать и понимать ее. Но этого уж больше не было. Всё то, что раньше связывало их, зарубцевалось в памяти, на роговице той возникло в одном месте точно помутнение. По поводу открытки Елена, правда, угадала безошибочно. Чем более он всматривался в фото, своим тревожным ракурсом, оно вызывало легкую реминисценцию, желание понять, откуда это чувство, невнятное стремление к тому, чего ты где-то уже видел. И стоило ему приехать и придти сюда, явилось ощущение того, что его сын бывал здесь и не раз. Маша бы, наверное, сказала, что это – апперцепция, вызванная ощущением своей беспомощности и состоянием предчувствия от зова крови. Но это можно было бы сказать о каждом, кто оказался в тех же обстоятельствах. Нет, то ноющее чувство, что кроме этого «предчувствия» очнулось и зашевелилось в нем – как крыса в грязном ворохе белья, было и мучительней и шире. По памяти оно производило отголоски того дурного мнительного состояния, которое его охватывало прежде, еще до клиники и до знакомства с Машей. От самого Мадрида по дороге его не покидало ощущение, что он приехал не один, что на своих плечах привез еще кого-то, и этот кто-то тенью следует за ним, подсматривает даже в туалетах возле писсуаров, дышит и глядит в затылок. Это было тупиковым состоянием – «душевной ересью», как говорил Максим. Невольно индуцируя в своем мозгу все новые ассоциации, он мог заикнуться на них и угодить в ловушку. В розысках ребенка, не зная языка, он должен был придерживаться гласа этой самой интуиции, которая вела себя как красна девица в окне, и здравой логики. В его руках была открытка, которую он должен изучить получше, сравнить со всем увиденным воочию. Еще он знал ориентировочные координаты Кручнева, довольно темного субъекта, и, мягко говоря, близкого знакомого Елены. Согласно добытым окольными путями сведениям тот проживал по русским меркам, так рукой подать: на самом юге Франции, куда от берега Испании по карте можно перепрыгнуть. И надо полагать, не загорал там вместе со своим телохранителем Испанцем. Должна быть веская причина, что побудила их уехать из Испании, из той страны обетованной, в которую они когда-то так стремились. Если положиться на искусство женщин полностью не разрывать все связи, то где-нибудь поблизости, под рыцарской опекой Кручнева должна бы обретаться Ольга, которая, вне всякого сомнения, располагает достоверной информацией о местонахождении своей подруги. Еще он знал, что в Барселоне уж сколько лет живет приятель Кручнева, который до отъезда был знаком с его женой. Если б удалось его найти, то он бы тоже мог чего-то подсказать. Все эти сведения стоило еще раз проанализировать, затем заняться упражнением. (Слово «медитация» было больно звучно-ёмким, но то, чего он делал, помогало). Да, как следует обмозговать, что есть, и уж потом чего-нибудь предпринимать. Сходить в полицию, в которой его, надо думать, с нетерпением ждут, он всегда успеет.

В автомобиле была парочка французов. Девушка сидела за рулем, она была в солнцезащитных каплевидных очках и в умопомрачительном открытом платье. Мужчина выглядел в два раза старше своей спутницы, светил продолговатым гладким черепом и промокал платком вспотевший лоб. Не обращая ни малейшего внимания на пешехода, выросшего из-за рекламного щита прямо перед их носами, они о чем-то спорили.

– Qu'avec toi? Ici l'vue très pittoresque ², – говорил мужчина.

– Vous n'avez pas aucune pitié pour moi! Il serait beaucoup plus facile d'aller á Saint-Tropez ³, – капризным голосом произнесла девица.

Нырнув в салон испанского «Сеата», Статиков захлопнул дверцу и повернул ключ зажигания. Он понял, что ослышался, но реплика француза в кадиллаке – «чего я там не видел, в этом твоём Сен-Тропе?» – отобразилась в голове так внятно, если бы была на чистом русском.

Покинув экзотическую рощицу олив, шоссе сворачивало влево, в сторону от берега, вокруг холма. Затем вливалось в окружную магистраль и устремлялось к центру городка, где его подхватывала излишне изобиловавшая светофорами муниципальная дорога. Выехал на основную магистраль, Статиков вписался вслед нахрапистому черному хэтчбеку с кузовным прицепом. Скорость здесь еще не ограничивалась знаком «50». Прицеп вилял, мешая обогнать хэтчбек, который ехал как на собственные похороны. «При чем тут *Сен-Тропе*?» – подумал он. Мужчина, сидевший рядом с той девицей, был страшно зол на что-то и совершенно равнодушен к ее прелестям. Фраза была неожиданной и скверной. Поймав момент, когда дорога с левой стороны за бампером переднего авто просматривалась, он до отказа даванул на газ.

² Что с тобой? Здесь очень живописно (фр.)

³ Тебе совсем не жаль меня! Поехать в Сен-Тропе было бы намного проще (фр.)

Глава 2

Мысль, мелькнувшая в его уме, когда он обгонял хэтчбек, и самому ему лет пять назад и всем, кто не был посвящен в искусство *интроверсинга* – схватывания и распознавания в разрозненной цепи случайностей тех опосредованных связей, которые спонтанно возникают при том или ином целенаправленном желании, могла бы показаться ничего незначащей, лишенной внутреннего смысла. Он не задержался бы на ней и мог бы тут же позабыть. И, тем не менее, в таких на первый взгляд случайностях была своя закономерность, распределявшаяся по закону вероятности событий, а по отношению к полусознательным процессам, если по науке, так обладавшая как будто квантовым взаимодействием с рассудком. Когда-то он подметил это свойство, которое отображалось как кратковременная вспышка в голове, как целиком лишенный логики просвет. Затем, запомнив узловые точки и оттенки ощущения, что возникало перед тем, как всё в таком знамении сходилось, освоил этот качественный переход уже как метод, как состояние того, что можно было бы назвать «инверсионной реконструкцией событий», и после прибегал к нему при затруднениях. Если удавалось волевым усилием отбросить все эмоции, подольше удержать в себе случайную картину образов, чью-либо фразу или проскочившую уме, почти уже растаявшую мысль, отчетливо услышать их внутри и сконцентрироваться, то по основе это зачастую представляло собой верное зерно, крупницу правды в какой-нибудь хотя бы отрицательной для ожидания проекции. Со временем он понял, что если тщетно не гадать и не прибегать к рациональным построениям, как это в ряде случаев бывает, когда ты попадаешь в сложный переплет, а заниматься интроверсингом целенаправленно – и, помня самого себя и устремляя взгляд в перспективу, то вся цепочка рассуждений может привести к искомому. И результат при этом выходил не из разряда суеверных ожиданий и примет.

– Все вещи – в нас, мы видим их как хоровод плывущих облаков или подтаявших холодных льдин во время ледостава. Так что мешает нам скомандовать себе, не слепо следовать по их течению, пассивно созерцать их ход, а управлять? Вот в чем привязка нашего сознания: чего мы говорим себе, как просыпаемся? Кто знает, где находится тот самый орган, с которым мы себя отождествляем, если говорим, что это – Я?

Как перефразируя чего-то многократно слышанное или написанное, Максим сказал это на первой лекции по «прикладной трансцендентальной психологии», где под конец недели как-то оказался Статиков. Анонс занятий под таким названием был отпечатан во весь размах крупноформатного листа в состряпанной вторым, таким же шутником из их кружка афише на двери. Лекция читалась в безвозмездно арендованном в виде вспоможения нетрадиционным методам познания, обвешанном вдоль стен портретами людей с бородками, привыкших к хлопанью ладош и деревянных жестких кресел, по верху выбеленном зале конференций. Тот был в ветшающем особняке с двумя колоннами при входе и назывался, – если еще хорошенько поискать перед подъездом эту надпись, – «Дом ученых».

Благодаря заботам и упорству Маши, выйдя в сентябре из клиники, по стяжке бытовых вопросов он оказался как у разбитого корыта. Из Управления он сразу же ушел, вследствие чего ему пришлось отдать, а после отвоевывать в суде как право на законный кров свою многометровую служебную квартиру. Объединивши с коммуналкой, где ютилась Маша, полученную «компенсацию» и средства, оставшиеся после найма адвоката, они сначала переехали в одноэтажный частный дом, который был под снос, вблизи от трамбовавшей закоулки новостройки, и вскоре получили в этом же районе благоустроенное прочное жилье. Тот круг знакомств, в котором он вращался еще до больницы, отчасти был им по своей неактуальности распушен, отчасти точно скисший хлеб распался сам. Близкий его друг, хотя и непутевый человек, – Малинин, с которым еще находилось понимание, уехал в дальние края, куда-то в Гималаи,

застрял в своих горах и не присылал оттуда никаких вестей. Поэтому какой-либо мужской компании, удовлетворявшей его склонностям и интересам, не было. Маша это видела и говорила... Как не посягавшая на что-то большее любовница и как семейный психотерапевт она могла иной раз делать наставления. Он уважал ее желания, даже если они в чем-то расходились с его мнением. И зная это, Маша говорила, что у него теперь должна образоваться та среда, в которой он бы мог хотя бы изредка бывать, чтоб чувствовать себя уверенней, не жить как «инок или рак-отшельник в апостасии»; и что она при всем своем желании не сможет заменить ему «и то и это». Положим, что последнее, про «то и это», она произносила так уж, к слову. Ей ничего и никого не надо было заменять собой. Имея свое кредо в жизни, чего и у мужского элемента человечества встречается нечасто, честно говоря, она была отнюдь не идеальным воплощением домохозяйки или няньки для него и уж, тем более, священной копией кого-то. Особенной потребности узнать, что кто-нибудь еще аналогичным образом глядит на мир и одинаково с ним думает, он не испытывал. Но если попытаться отнестись к ее сентенции непредубежденно, то по существу она была права. Да, не замечая хода времени, они могли часами оставаться с ней наедине; ладно уживаясь в общей эмоциональной сфере, при разногласиях вдвоем искали выход, за счет чего по всем вопросам быстро приходили к компромиссам и консенсусу. Но это их убежище без свежего притока воздуха, глотков необходимой информации, что приносила свой контраст, со временем могло прогоркнуть, из радостного дома сделаться мемориальным комплексом или могилой. Держа это в уме, так, ни на что особо не рассчитывая, едва не мимоходом он и оказался в пятницу на этой лекции.

Максим – по образу портретов на стенах – был тоже с бородой, охаживаемой и неухоженной, как у отсидевших каторжан. Но импозантность бороды, когда он той помахивал, не оттесняла взгляд его живых, то исчезающих за приспущенными веками в раздумье, то устремлявшихся на собеседника, сметая все препятствия, – и чуть лукавых и серьезных глаз. Слушая его, Статиков отметил, что говорит он как по писаному, шпарит точно по шпаргалке в рукаве. Но это была все-таки импровизация, не заготовленная речь. Казалось, что он перехватывал немые мысленные просьбы или настроение кого-то из присутствующих, искусно встраивался в русло этой темы и начинал разжевывать то состояние уже как свое собственное. В сущности, он говорил о том, чего касалось в жизни каждого, поэтому вся разношерстная и разнополая аудитория внимала ему так, что и дыхания не слышно было. Когда он объявил, что общая часть лекции закончилась, из зала устно и записками стали задавать вопросы. Судя по их содержанию, здесь были преимущественно люди или одинокие, ищущие случая, чтобы пообщаться, или же такие, чья судьба уже на самом звездном пике дала трещину. Мужья, имевшие по части своего не чересчур ответственного бизнеса крутой достаток, известно, не щадили своих жен, погуливали и выпивали.

– А если он мне тоже изменяет? – спросила, напряженно покраснев, одетая как на цыганский бал девица, которая за час до этого рывками, неумело парковала на стоянке у подъезда свой автомобиль.

Она не села и продолжала от упрямства наливать краской, пока Максим пытался втолковать, что слово «если» в этом деле сути не меняет. Затем, придерживая свое платье, спиралями полос идущее от лифа и до пят, она лебедкой проплыла через проход и, хлопнув дверью, укатила на своем *Infinity*.

Когда все стали расходиться, Статиков почувствовал затылком чей-то взгляд. Он обернулся. Это был Максим: взгляд его не спрашивал, не звал, а как в полушутку приглашал к участию.

В общем, в чем он убедился вскоре, у них так было принято здороваться со всеми «братьями» (хотя во всеуслышание никто так никого не величал) неспешным внятным пожиманием обеих рук и глядя напрямиком в глаза друг другу.

– Ну, так и так, на выбор, – минуя предисловия, сказал Максим; он был пониже Статикова, кругловат и плотен, так что при своей походке, когда шагал по улице, напоминал катившегося с горки колобка. – Через неделю та же лекция и здесь. Или для начала можно встретиться в моей квартире. Такие варианты. Да ты уже решил, смотрю. Адрес-то подсказывать или сам найдешь?

Хотя Максимов адрес тут же обозначился в уме, он все же нацарапал тот на обороте присланной ему во время лекции записки, в которой была просьба поподробней рассказать о «качествах астрала», как туда попасть и что это такое. Расставшись с ним и взвешивая по дороге все, что услышал на лекции, Статиков не расценил это как перст судьбы. Психологически он больше не нуждался в посторонней помощи и понимал, что должен быть обязан этой встречей во многом настоятельности Маши. В том же что касается телепатических способностей Максима, и как они без долгих слов друг друга поняли, он не увидел ничего диковинного. Бывает, рано или поздно люди могут находить друг друга по характерным черточкам в манере поведения и всему прочему, что не всегда заметишь сразу; чем-то они все же отличаются – и более того, чем это принято считать.

Максим жил на соседней улице, в девятиэтажном доме, который был стеной во весь квартал и отстоял от Машиной усадьбы – они тогда еще не переехали, – всего в пяти минутах хода. Он жил с сублильной светлоглазой девушкой, которая была из ряда его многочисленных поклонниц на занятиях, любительниц того, что «запредельно», и представлялась всем как Вика. На вид она была совсем молоденькой, держалась при Максиме очень скромно и, если к нему кто-то приходил, то сразу же скрывалась где-то, пряталась как мышь под плинтус. Знакомство с ней Максим считал недолговременным и называл это физиологической поблажкой телу. Привыкший по своей натуре больше к одиночеству, он занимал квартиру или комнату – черт знает, как это еще назвать – гостиничного типа, то есть с усеченными удобствами внутри, барачным общим коридором, в котором были без сидений трех- и двухколесные велосипеды, с гарантией прикованные цепью к скобам у дверей, и миниатюрной – «самурайской» – кухней.

– Все хорошо, что вовремя, – сказал он, пожимая руку в крошечной прихожей. – Снимай свои чудесные кроссовки, проходи.

Это был намек на то, чтоб Статиков оставил свою «внешность» за порогом. Когда Максим не ожидал «малоизвестных дорогих» гостей, то одевался незатейливо, расхаживал в своей светелке босиком, рассчитывая этим вроде сэкономить на носках. Почти по ширине всей комнаты была кровать, покрытая пододеяльником, и у стены на столике был вышедший уже из обращения, с громоздким гаубичным монитором и матричным писклявым принтером, компьютер. Хозяин сел в турецкой позе на кровать, а Статиков – на стул, впритирку умещавшийся меж спальней принадлежностью и стенкой. Собственно с Максимом было сразу и легко и тяжело общаться. Обыкновенно сидя так, – скрестивши руки на груди, а под собой и ноги, он тотчас же улавливал, что приходило в голову, и если это не противоречило его изрядно подавляющей своей энергией натуре и отвечало правилам гостеприимства, которые он мог иной раз и проигнорировать, то мигом выполнял, что требовалось.

– Заслончик-то, однако, слабоват! – сказал он, подзадоривая. – Неплохо бы поупражняться. А то так выронишь чего-нибудь, ищи-свищи потом...

Компьютер, оказалось, был ему необходим для написания труда по курсу своих лекций, который он рассчитывал издать отдельной книгой. Она была уже закончена, он занимался ее редактированием. Но все никак не мог найти какого-нибудь «дурака» издателя. Умникам из их числа казалось, что каждую строку в его немногословном сочинении для понимания широкой и отзывчивой читательской аудитории надо развернуть, если не на целую страницу, так уж уверенно – в абзац. Он говорил об этом незлобиво и, посмеиваясь, то, пряча глаза в бороду, то, вскидывая их на гостя, стараясь ухватить малейшее сомнение в душе или ненароком проскочившую в мозгу заносчивую мысль. О затруднениях с изданием сказал он неспроста. Он в

полной мере сознавал ту пропасть, что отделяла просвещение от Богом данного и развитого разума. («Все горе от ума, а не от – *разума*, где бы его только взять?» – походя ответил он на не озвученный вопрос). Но делать *популярной* свою книгу не хотел, сознательно пожертвовав ее художественностью ради лапидарной формы.

– Надо, чтоб слова не капали елеем, а застревали в голове и созревали. Велосипед не я тут изобрел!

Его любимыми словами были – «информация», которая нужна всему существу, хотя как таковая дается и является основой жизненного цикла женщин, и «разум», который был от сотворения адамовым ядром всего мужского.

– Известно, яйца курицу не учат. Где им по силам, нам не в оборот.

Статиков сидел напротив и перелистывал печатные листы еще не изданной Максимовой работы, которую тот дал ему, чтобы «ввести в курс дела».

– И что, тебя не задевает, что жизнь у нас во всем как эта курица?

Когда Максима что-то ставило в тупик, то есть он не мог предвидеть или же понять вопроса, то сразу же стыдливо опускал глаза, как признавая за собой недопустимый ляпсус. Но так бывало редко, чаще он в ответ – протяжно улыбался или глухо хохотал, что делало любое продолжение бессмысленным.

– А что меня должно тут задевать? Я понимаю, к жизни может быть еще экологический подход, когда движение подчинено созданию гармонии. Ясно, что гармония нужна, но выше – разумение. По духу информация пассивна. Да ведь бывает так, что надо сделать что-нибудь по-своему. Так что пусть уж сами выбирают. От более простого к сложному, от сложного к простому, все держится на этом. Кому что надо, тот возьмет. На лекции, ты прав, – уж времена такие, – нынче ходят женщины одни. Известно, что их наиболее волнует. У подавляющего большинства людей пока все зиждется на том, что секс необходим, чтобы, пока он есть, не горевать о смерти. Вот и плетешь им всякий вздор про жизнь *потом* и про астральные проекции. Не все поймут, что если что-то уже сделано, так без остатка-то и праведная жертва не искупит. Ведь ты об этом говоришь? – вскинул он глаза на Статикова. – Знал я одного, нехоженой тропой пошел: супруга – прокурор, заела парня до печеник, вот он и сбежал. Чуть не пропал, когда однажды в транс вошел. Какие тут *проекции*? Такого никому не посоветуешь. Ну и чтобы хоть уж зависти поменьше было.

Его последние слова надо было понимать во всем контексте сказанного, в такой, рассчитанной на понимание манере он имел обыкновение общаться. Произнеся свою вступительную речь, он пересел из позы полу-лотоса в более мобильную позицию, спустил с кровати на пол гибкие и мускулистые ноги в синих тренировочных штанах, с надетой сверху ради первой встречи глаженной рубашкой, белой и навывпуск, и стал поглаживать свою окладистую бороду.

– Есть у меня знакомая одна, научную статейку пишет. Ты говоришь, знаком с латынью и библиотека у тебя большая? Если на мели, на этом можно заработать.

Статиков не говорил, что он знаком с латынью или на «мели». Надо было привыкать к тому, что он тут находился как на полиграфе. Но дополнительные деньги вдвоем с Машей им не помешали бы.

Опять скрестивши руки на груди, Максим уперся в него взглядом.

– Так что с того? Ты не смотри, что я тебя опережаю. Так разговор короче. Ты ведь меня тоже щупаешь – и еще как. Да только я заслоны ставлю.

Статиков смутился.

– Я думал, что умею это.

– Вижу, что умеешь. А отработывал на ком? С больничными сестричками общался? Остерегайся полоненным быть. Есть те, которым это не с руки.

Надо было понимать, что «не с руки» – жениться. Хотя Максим коснулся этого житейского предмета вскользь, отнюдь не претендуя на какое-либо наставление, и все же Статикову не хотелось, чтобы разговор в таком ключе зашел о Маше.

– Чего уж, вовсе не жениться? Не знаю, как тебе, а мне охота оставить что-нибудь потомству.

– Вопрос еще – в кого оно пойдет? – посмеиваясь, произнес Максим. – Но исключения бывают, это ясно. Есть у нас тут внутренняя группа. Встречаемся мы раз от разу кроме этих лекций. Так, чтобы мысли не протухли, делимся своими наблюдениями. Ты можешь тоже приходить. Чего уместится, возьмешь. Дурному точно не научим.

Статиков почувствовал, что время уходит. Все было сказано или угадано в его душе без слов, хотя он этим натискам сопротивлялся. Кивком вознаградив его догадливость, Максим поднялся тоже. Пытаться прояснить «свои позиции», порассуждать о жизни вообще, как заведено это у большинства людей, с этим человеком было бесполезно. Беседы светские – ставили его в тупик, он говорил, что не бельмеса в том не смыслит, и, если заходила речь о чем-нибудь таком, то со скупающей гримасой принимался расточать по сторонам ленивые зевки.

Когда он обувался в крохотной неповоротливой прихожей, в которую на две секунды заглянула, чтобы одарить своей улыбкой, одетая как дух тибетских гор, кукольного вида и пропорций, Вика, в мозгу мелькнуло опасение, что этот новый круг знакомых может разделить их с Машей. Видно, уловив в его душе эту препону, Максим, поглаживая бороду, стоял у двери и переваривал внутри их разговор, когда его любовница как привидение уже исчезла.

Так называемая внутренняя группа раз в месяц собиралась в том же помещении, где проходили лекции, чего случалось, если уж ни возникала экстренная надобность, не больно регулярно. Она была не строго постоянного состава, когда являлось шесть, когда пятнадцать человек, на вид все были средних лет, но Статиков не оказался среди них и самым младшим. Если требовалось обсудить «методику» (это было так, рабочее словечко, которое могло обозначать чего угодно), то приглашали для отчета тех, кого в народном просторечии считали ворожеями и колдунами: они вели свои кружки по эзотерике в разных частях города и занимались хорошо разрекламированной на вырученные средства практикой. Их заблаговременно предупреждали о собрании, но безусловной обязательности явки не было. Они могли проигнорировать оповещение, не приходить. Но никогда не уклонялись: являлись в группу как к судье со встречным иском. Не дожидаясь никаких вопросов, эти люди сразу же вставали и, быстро обзрев присутствующих, считав все по глазам, рьяно и красноречиво приступали к изложению своей позиции. Она, как правило, сводилась к провозглашению какой-нибудь оригинальной, ими разработанной методики, и подтверждению своей ответственности. Общее молчание чаще означало несогласие (оно могло быть также одобрительным, но если становилось гробовым, то это ощущалось по опущенным глазам и неподвижным выражением на лицах). Если так случалось, то выступавший, напоследок с сожалением окинув взглядом зал и выразив тем общее «уж извините!», удалялся. Делали ли эти приглашенные какие-либо выводы и изменяли ли они потом свою позицию, неясно: каждый отвечал за самого себя в той мере, насколько это было совместимо с его представлениями, и мог придерживаться собственной концепции.

Послушав в первый раз, о чем тут говорят, или же – значительно помалкивают, Статиков подумал, было, привести сюда и Машу, которой на работе приходилось сталкиваться с теми же вопросами. Попав в какую-либо неприятность по своей доверчивости, люди становились суеверными, не понимали истинных причин несчастья и норовили все списать на ворожбу и сглаз. Но та, узнав, что ее будут окружать одни мужчины, засмушалась. Маша себя принижала: скорее уж она бы всех смущала своей внешностью, так что поступила верно, как он после понял. Любой пришедший на собрание мог свободно высказаться или по обыденным вопросам практики или же привлечь внимание к какой-нибудь неординарной теме, – естественно,

вне политических и бытовых проблем, которые как дело безнадежно топкое здесь никогда не поднимались и не обсуждались. О следующей встрече не уславливались: когда была насущная потребность, созванивались по телефону. А сбор всех вместе означал – решение каких-нибудь этических вопросов. Максим и еще пара человек, с которыми тот находился вроде в более коротких отношениях, на обсуждениях бывали неизменно. Они не относились к общему числу и были как бы на правах свободных наблюдателей. Вне группы это были самые обычные, веселые и жизнерадостные люди, но на собраниях они преображались. Словно бы не выходя из постоянной медитации, что было видно по обильному приливу крови на щеках, своими лаконичными вопросами, которые со стороны могли бы показаться непонятными, ибо все связующие дополнения в них опускались, эти трое произвольно вмешивались в ход бесед, правили и укрепляли их своим участием. Сам Максим, как это представлялось попервоначально, не был тут ни избранным главой, ни просто «старшим»: каких-либо формальных рангов между ними не было, все подчинялось только кругозору видения, прямого или подсознательного, и глубине познаний. Максим, когда они теснее сблизились и, если разговор касался группы, любил использовать в своих метафорах такие выражения; позже он признался, что не был среди этих трех и «самым сильным». Он говорил, что в ранней молодости посредством концентрации и воли мог передвигать пустые спичечные коробки в утеху вольной публики, за что приезжие абхазцы на базаре даже заплатили ему как-то ящиком отборных мандаринов. Но после у него такой факирский дар пропал – «и, слава Богу: в жизни фокусов и без того хватает!» Рассказывая это, он лукавил: силы его мысли была такова, что если он чего-то не хотел, то это, на мгновение лишаясь дара речи, на цыпочках и робко его обходило. Когда он думал заглянуть к кому-то из своих знакомых, то никогда не делал это, прежде ни прикинув. Парочку секунд помалкивал – и мог сказать чего-то вроде: «ну, так он меня и сам уж ждет, поедет завтра на рыбалку!»

– Знаешь, чем мы отличаемся от большинства, хотя это на деле и неверно? – спросил он через три или четыре месяца, вновь пригласив в свою квартиру. – Когда начнется кавардак, все схватятся за кошельки и побегут в ближайшее бомбоубежище. А нам не надо никуда бежать, без веских оснований нам и встречаться-то друг с другом нет нужды. Схватил? Я сразу же тебя заметил. Ты знаешь, для чего живешь, каждую минуту помнишь это.

Они сидели в его куцей горенке, и это было самое начало разговора. Затем, похлопывая по животу, он встал с кровати и пригласил принять участие в своей дежурной трапезе. Когда они вошли на кухню, готовившая что-то у духовки Вика, выключила газ и тут же прошмыгнула в комнату; Максим ее как не заметил. Разговорившись за бутылкой ординарного портвейна, который был настоян им на сборе *специальных* трав, он стал шутливым голосом рассказывать о том, как за его таланты, однажды с ним хотело заключить официальный договор – для поддержания незыблемых основ и обороны государства, явившись к нему на дом в чине офицера в штатском КГБ.

– Признаться, я струхнул, хотя чего-то в этом роде ожидал!

Взглянув на корочки служебного удостоверения, он заявил пришедшему сотруднику, что как пионер «всегда готов» и отнесется к этому со всей душой. И там, куда его потом позвали, заполнил всевозможные бумаги. Но вышло так, что все заверенные подписью листы и бланки, которые ему там выдали для заполнения, когда его уже и след простыл, переменились, стали первоначально чистыми.

– Нашлись-таки сообразительные люди в этом ведомстве, к большому счастью для меня! – сказал он, ухмыляясь. – Оставили с тех пор в покое и больше уж на роль защитника отечества не приглашали.

Держа в руке стакан, он поворочался на стуле, стараясь высвободить больше места для своей не умещавшейся в гостиничный метраж фигуры. Да, кухонька была под стать всему жилищу. В углу – урчащий холодильник, напротив – стол, садиться за который можно было

лишь поодиночке, и щелевидное пространство перед газовой плитой, в котором умещалась только Вика при ее пропорциях. На самом деле ее звали Тоней, а имя Вика было в *mode* и к ее *лицу*, как, улучив момент, она сама призналась. Максим терпел ее присутствие в той мере, в какой это способствовало его здоровью и ни к каким гражданским актам не обязывало. При этом он как-то умудрялся относиться к ней и с должным уважением и в то же время как к предмету обстановки. Если лучше знать его характер, то можно было бы сказать, что он по-своему любил ее. И чувственной честолюбивой Вике это нравилось. Пользуясь ее стряпней, он не сидел как книжный йог на рисовой диете, часто и помалу перекусывал, не прочь был выпить иногда для обострения ума, предпочитая или виски, который приносила, опустошая бар своих родителей, его двадцатилетняя любовница, или под хорошую закуску – пиво: для улучшения пищеварения.

Выслушав приятельскую байку про вербовку в КГБ, Статиков почувствовал, что должен что-нибудь сказать для поддержания беседы. Он понимал, что него ждут некоторой осмысленной реакции, хотя в душе не так уж рад был разговору. К тому же тот портвейн, которым попотчевал Максим, посеял в голове туман, действовал транквилизатором. Ему хотелось намертво забыть о прошлом, о том, что опосредованно связывало его раньше через служебный аппарат Варыгина, бессменного главы профкома Управления (может быть, – он этого не мог уверенно сказать) с какими-то спецслужбами. Поэтому, если его посещали спорадические мысли о своей былой работе, он отгонял их и всеми силами старался более о том не думать. Свое досье с характеристиками он никогда не видел, не знал и не стремился разузнать, что там написано. И все же, когда он много лет назад хотел взглянуть на дело по расследованию «случая самоубийства» своего отца, то знал, кто может тут помочь. К Варыгину и обратился. Бывший сослуживец отнесся к его просьбе с пониманием и ни о чем расспрашивать не стал. При дружеском участии того и при посредстве ходатайства на казенном бланке доступ к засекреченному делу из архива – тогда еще не переименованного КГБ, он получил без проволочек на другой же день. До этого на подпись ему дали типовую форму, которая была гарантией того, что против лиц, указанных в материалах, самим им или же через посредников не будет никогда предпринято каких-либо противоправных агрессивных действий. Но может ли быть кто-то строго застрахован от такой возможности?.. Листая пожелтевшие страницы в отведенной ему комнате, под лампой с матовым овальным абажуром, он вспоминал рассказы матери, закрытый гроб, в котором привезли отца на кладбище, и чувствовал в душе противоречие, чего усугублял еще и канцелярский парадокс. Может, эти люди-невидимки все еще тут числятся? или здесь работают их дети? За исключением фамилии отца и двух случайных понятых, все остальные были вымараны. Конечно, дело было не в аббревиатуре того ведомства, об отношениях с которым не зазря, зондируя его, упомянул Максим. Не в нем. А в том животном страхе, который с детства все еще сидел под коркой. И не один, в кого когда-нибудь вошел тот страх, ни истребив и ни развеяв его по ветру, не мог сказать, что он был целиком и полностью свободен. Это отражалось и на личных отношениях между людьми и на работе. Время, проведенное в лечебнице, склонило его внутренне к тому, чтоб отказаться от различных привилегий, какие гарантировала служба. За этот срок, особенно благодаря знакомству с Машей, он много передумал, решив, что, поступившись выгодами своей службы, чего до этого не позволяли обязательства перед семьей, он сможет двигаться теперь уж налегке вперед, чувствовать себя морально более окрепощенным, что ли. С таким уже созревшим в сердце намерением он после своего выздоровления и вышел. Варыгина, когда он ненадолго заглянул к тому, чтобы сказать о принятом решении и попрощаться, его стремительный уход из Управления не удивил. Как полагается, держа свой нос по ветру, хотя в душе не верящий в клинический синдром его заболевания, один раз перед выпиской тот все же навестил его в больнице. Они тогда не говорили о работе, но тон беседы привел к мысли, что Статиков ему зачем-то нужен; хотя, в определенной мере желание поддерживать знакомство было обоюдным. «Все, слава Богу, значит? Жив курилка?

Безмерно жаль, что вы нас покидаете! И все же рад за вас!», – сказал он, пожимая руку в своем кабинете, который был все также занавешен шторами. Они расстались в теплых отношениях: казалось, что этот человек, владеющий негласной информацией о каждом по отдельности и обо всем на свете, когда-то еще может пригодиться.

Пока он все это припоминал и пересказывал – где вслух, а где с прозрачными купюрами, Максим сидел, склонив охапистую бороду к тарелке, и с рук, остро поглядывая и кивая, упивал нарезанную толстыми ломтями буженину.

– Напрасно ты так прошлого боишься. Ты сделал все, что мог. А от случайностей, коль ты не можешь ими управлять, никто не застрахован. Ведь согласишься, все то, что было у тебя в больнице, да и раньше, происходило преимущественно бесконтрольно. Но если это не ушло как наваждение и ты к тому имеешь и желание и силы, то должен сделать так, чтоб перевести это в рассудочную плоскость, когда ты сможешь своим даром управлять. Но если будешь предаваться этому как раньше – для забавы или оттого, что раз уж это есть, то его надо приспособить, тогда среди житейских нужд ты пропадешь, оно тебя погубит. Работать надо дальше. Сидящего и куст спасет, идущему вперед нужна защита.

Этот разговор мог послужить примером отношения Максима к людям, по духу ему близким, которых он ценил за то, что те могли для вдохновения чего-то дать ему. То есть предусматривалось, что те чего-то тоже брали у него, росли, несуетливо наблюдая жизнь, и, переваживая это, после возвращали. Согласно его философии, жизнь опошлялась, делалась пустой прикормкой при невозможности движения вперед и, если человек не может ничего создать, преобразуя данное ему с рождения – не механически, то обработка информации сводится к преобладанию трухи над разумом, к боязни потерять свое привычное благообразие и, стало быть, к взаимному обмену разными претензиями.

Простившись в этот день с Максимом, Статиков испытывал сосущий зуд под ложечкой. Он думал, что достиг уже определенной степени свободы от негативных обстоятельств, при помощи самовнушения и расслабления мог за минуту-две восстановить нарушенный душевный строй и умственное равновесие. Более не связанный противоречивостью служебных обязательств и находясь во внутреннем комфортном мире с Машей, он мог бы завершить на этом внутренние поиски, остановиться на уже достигнутом. Максим же видел тут психологический подвох, смотрел гораздо дальше, ибо полагал, что человек, достигший некоего порядка и гармонии с собой, движется уже по убывающей инерции, сознательно не развивается. При этом, обладая мощным интеллектом и более обширными познаниями, Максим отнюдь не собирался делаться его практическим наставником или духовным гуру, старался уклоняться от прямых советов и вообще общался с ним на равных. Он будто говорил: я указал тебе, как может быть, легонько подтолкнул, а дальше сам уж поступай, как знаешь; коль хочешь двигаться вперед, оставь привязанность к тому, чего достиг, забудь условности, не жди от жизни многого, карабкайся по ней, дерзай и делай себя сам. И все-таки благодаря его вниманию Статиков сумел приблизиться к кружку людей, владевших теми же способностями, умевших ими управлять, – не то чтобы нетрафаретно мыслящих, а – *думающих*, не плывших как поленья по течению. А также, что было для него тогда немаловажно, он получил возможность, как бы поглядеть на самого себя со стороны.

Как правило, сам не участвуя в дебатах, поскольку был еще несведущ в обсуждаемых вопросах, он стал факультативным членом группы, что собиралась в том же здании с колоннами, неосновательно обиженным академичными кругами, хотя оно именовалось «Дом ученых». В том, чего касалось стимула к самостоятельной работе, то прав был и Максим при первой встрече, и интуитивно, подбивая его к этому, была права и Маша. Потом он мог уже не приходить на эти сборы: хватало осознания того, что люди, думающие так же и в случае чего всегда готовые прийти на помощь, существуют. Знакомая Максима, желавшая украсить

свое изыскание по филологии и уплощению родного языка, цитатами из непереуверенных сочинений античных и средневековых авторов, явилась дамой состоятельной. Щедро расплатившись за работу, она рекомендовала Статикова как специалиста по устаревшим мертвым языкам обширнейшему кругу любителей-библиофилов и тех своих коллег, которые писали для набора реноме, прежде чем уехать за рубеж, яркие эссе и диссертации. Так что в среднем раз в неделю с каким-нибудь – и срочным и почти невыполнимым предложением ему звонили.

Маша была рада за него, однако ревновала его к этим «тунеядцам» и переживала.

– Зачем ты дал им номер своего мобильного? Теперь они тебя из-под земли достанут, хватило бы с них памяти автоответчика. Их не смущает, что ты даешь им консультации по древним языкам, когда сидишь верхом на унитаза?

Статиков отшучивался:

– Ну, римляне в отхожих заведениях и в банях решали тоже важные проблемы.

– Ага. Вот так они и досиделись до вандалов!

В такой манере Маша выпускала пар. В том хосписе, где она бывала через день, давая тоже свои консультации и успокаивая, как могла, неизлечимых, тихо увядающих больных, ее «всё убивало» и, даже если не было назначено на этот день терапевтических сеансов по ее частной практике, домой она являлась выжатой как губка. Поцеловав его, она ложилась на диван. (Тот был ее невразумительным приобретением, – примерно в стиле рококо, с волнистой гребневидной спинкой, с изогнутыми кренделями боковинами, с персидскими котами на дополнительных подушках, – и выглядел в свободной из излишеств комнате, которая служила сразу кабинетом и столовой, как выставленный на продажу экспонат). Сунув согнутые ноги под пушистый плед и, словно бы желая убедиться, что в квартире все на месте, она смотрела на свою индийскую азалию перед окном, на стол, уже накрытый, с двумя мерцавшими бокалами, тарелками и горкой хлеба на плетеном блюде. И на того субъекта, который был напротив, за другим столом, в развернутом к ее лицу шарнирном кресле.

– Как дома хорошо!.. Ты представляешь? Утром привезли к нам одного мужчину с мета-стазами, он сам ходить уже не может. Постель заранее сменить не удосужились и выложили его из носилок на пол перед койкой. Ладно, хоть до этого подтерли лужу. А говорить им бесполезно, они не видят в этом ничего такого. Пусть младший персонал не больно грамотен, но он берет пример с врачей, а те глядят на пациентов как на ходовой материал, как на источник практики от нажитых болезней. Я точно знаю, что в институте этому не учат. Так, от безответственности все, каждый поступает по своей культуре. Ага, словно перед ними уж не люди. Знаешь, некоторые скоро привыкают к мысли о неотвратимой смерти, находят даже маленькие радости вокруг. И ладно, если они с этим чувством умирают. Да. А у того мужчины были слезы на глазах, когда его, в конце концов, переложили.

Затем она вставала и, вздыхая, шла на кухню, чтобы сделать дегустацию всех блюд.

– Чего у нас на ужин нынче? Ты снова стряпал в этом устрашающем переднике?

Статиков в ее отсутствие любил готовить, для вящей важности даже приобрел для этого отдельный монотонно синий фартук. Увы, тот после стирки полинял, сделался как «половая тряпка», и Маша его дюже невзлюбила. Ей натурально, без натяжек нравилась его стряпня, которая им делалась не по рецепту, как это скрупулезно делала она, сверяя каждый грамм и компонент по кулинарной книге, а, смешивая ингредиенты блюд, как изнутри подсказывало что-то, на глазок и вкус. Ранее он за собой такой наклонности не отмечал. Возможно, в нем всю жизнь дремал стихийный первоклассный повар.

Выпивши вина и закусив, они сидели за столом, подчас обмениваясь мало чего значащими общими словами. Строй проникновенной бессловесности вносил в их обоюдное сознание покой, они могли сидеть и услаждаться своим одиночеством до ночи. С мягким и смиренным выражением сидели – и каждую минуту сердцем омолаживались от полноты созвучия, чувства своей власти над вялотекущим временем и не покидавшей теплой умиротворенности.

Сознание не разделяло их, они могли без слов читать желания друг друга, делиться впечатлениями и мысленно перемещаться, куда бы ни пожелали. И плыли, плыли как в бегущей по волнам ладье... От единящей бестелесной близости они испытывали даже чувственное наслаждение. И возникало осознание единства мироздания, начала тленной жизни и ее конца, душевного величия от своего бессмертия, и тихой радости от схожести духовной. В том мире, где они кружили, не было воспоминаний о несбывшихся мечтах, не было не оправдавшихся надежд и фееричных грез. Сердца их обнажались так, что открывался пласт сознания, в котором все, что делалось из брэнной суеты, оказывалось вмиг ничтожным. Нет, они не льстили себе этим состоянием, поскольку оба знали, что когда-нибудь они уйдут. Но страха не было: каждый сознавал, что это обоюдное связующее чувство, все то, чего они как искру Божью берегут в себе, собственно и есть то самое, чего роднит людей, что в этом мире их ничего и никогда не разлучит, и где бы они не были, вновь погода сюда вернется.

«Давай пойдем в тот луг, давно уж не бывали там», – произносила Маша.

Стоило ей только пожелать, и луг в мгновение ока вырастал под их ногами, – зеленой рекой растекался вокруг, жужжал, стрекотал, колыхался и пел, чаруя, манил в свой пахучий настой.

«Смотри, здесь все осталось, как и прежде! – восклицала Маша. – Сколько мы тут не были?»

«Да уж наверно год»

«Как быстро пролетело время! Но все равно, – пока мы будем вместе приходить сюда, он будет жив!»

Затем они взмывали к небу птицами; чтоб лучше оглядеться, делали круги, летели над лесами и морями. И он показывал на горизонт с огромным, заходящим в море солнцем, которое когда-то виделось ему.

«Смотри, – ни облачка. Волны, солнце и скалистый берег»

«Жаль, меня не было тогда с тобой!»

«А может, ты была?»

«Какой же я тогда была? ведь ты меня намного старше!»

Нет, нет. Душа все помнит, в мыслях отвечал он Маше. Она не может быть ни младше и не старше. Что было в ней плохого и хорошего, то так и остается точно в парнике под пленкой или в кадке. С возрастом мы хоть и меняемся, но не уходим от себя. Он сердцем слушал то, что говорила Маша, и так же сердцем отвечал ей. И видел он игру теней и света на волнах, движение милых губ, направленных к нему, и слышал отдаленный суховатый шелест трав и листьев. *Ведь если я живу, живет и она, если я старею, стареет и она, если я дышу, дышит и она. Я судья Разъятого... Но кто пошлет ей просветление вместо воды, кто даст человеку спокойствие сердца вместо хлеба и пива? Улицезрешь ли ты, желающий свободы смерд, что никогда не будешь страдать от лишений?*

В один из вечеров, когда они вот так сидели в полузабытьи, нирвану их нарушил телефонный аппарат, который был, как пустобрех и шалопай, наказан вечным местопребыванием в углу прихожей. Думая, что это кто-то из филологических заказчиков, Статиков зашел туда, снял трубку и от неожиданности сразу не узнал дрожащий голос своей бывшей тещи. По виду – сухопарая, имея вытянутый профиль как у стерляди, она была наделена практичным рассудительным умом, всегда немного ревновала рано вышедшую замуж дочь, давая наставления из своей первой молодости; но не желала их рассорить, и мужа своего держала крепко.

«Прости, Сергей, не знаю, как ты отнесешься к моей просьбе, – произнесла она без перехода, поздоровавшись. – Вы разошлись и у тебя сейчас своя семья. Да, Лена бросила тебя, когда ты был в больнице, и поступила дурно. Но у меня есть внук, твой сын. Мне больше некому звонить: везде уж обращались – все впустую. Я ради внука и звоню. Мы с мужем получили

тягостную весть. Коли судить по штемпелю – *оттуда*. Не знаем, что и думать. Может, у тебя еще остались связи на твоей бывшей работе, сумеешь что-то разузнать? Пропала наша Лена! Кажется, ее уж больше нет»

Зная нрав Елены, Статиков подумал, что это всё необоснованные страхи ее матери, решившей заодно прощупать его отношение к своей пропавшей дочери, и пообещал зайти, как сможет. Но утром – натошак и по наитию, как у него в последний год случилось, он понял, что надо поторапливаться. К тому же Маша позвонила, сказала, что у нее недоброе предчувствие. Поэтому, позавтракав, он сел в машину и по незабытому еще за давностью своих свиданий с тещей адресу поехал в отдаленную часть города, минутах в сорока от центра. Так он получил открытку с видом виноградного холма у Каталонских гор и ту скупую информацию, которой поделились с ним убитые безвестностью родители Елены.

Изображенный на открытке или же похожий вид, с конической колонной маяка на каменистом берегу среди олив, но без холма в перспективе, он живо разыскал по Интернету. Сделав ксерокопию и пробуя сличить одно с другим, вертел, вертел в руках и то и это, не зная верить ли проставленному штемпелю. И, наконец, надумал показать Максиму.

На лекцию, которая для всех, кто жаждал пробудиться и спастись, была по-прежнему по пятницам, он опоздал. Увидев его через дверь, Максим сию минуту понял, что случилось что-то экстраординарное, прервал занятие и вышел. Они расположились в арке, у полуоткрытой двери.

– Капкан, – разглядывая фото, проронил Максим в своей безукоризненно сухой манере. – Какой-то тут подвох. Пока не вижу больше ничего. Но если чувствуешь, что должен, поезжай. Своей архангельской опекой не оставим. Сын нужен тебе, может, больше, чем ты сам ему, за ним присматривают там. Да, и к этому, с которым, говоришь, вы в теплых отношениях расстались...

– К Варыгину?

– Вот-вот. Зайди к нему, он ждет тебя. Потом, тебе ведь заграничный паспорт нужен? Подозреваю, что с шенгенской визой. А заодно уж разузнаешь все, что может пригодиться.

Без веской надобности Статикову не хотелось обращаться к человеку, в бытность их знакомства, бывало, проявлявшему себя по слабости характера не самым лучшим образом, да и притом еще по прежней службе отлично знавшим все его чувствительные стороны. Но это был тот самый случай. Когда он позвонил, Варыгин вроде бы и впрямь не удивился его просьбе, но изъявил желание поговорить о деле – *в стороне и без свидетелей*. Они договорились встретиться недалеко от Управления, в украшенном фонтаном сквере.

Статиков пришел за полчаса до 18.00 и сел на лавочку перед фонтаном с фигурной плоской чашей наверху, куда от бортика упруго били под наклоном струи. В сквере былолюдно. Круглую площадку около фонтана облюбовали, одетые как сборные команды на зачетном матче в сине-красные футболки, неугомонные подростки. Они гонялись друг за другом и прыскали в своих противников набранной в бассейне у фонтана пенистой водой в бутылках. При них была матрона в газовом нашейном шарфике, которая внушала шалунам, чтоб они держались поровней, не брызгали в кого попало, и щелкала своих воспитанников фотоаппаратом.

Варыгин оказался пунктуален. Он был в пастельно-голубой рубашке с темно-синим галстуком, делавшим дугу на выступавшем животе, и в серых брюках. На вид он постарел, в лысеющих висках устойчиво блистала седина, но на лице, между подвижных пухлых губ и толстым носом, когда он подходил, миг промелькнула та же, что и раньше, бесовщинка.

– Приветствую, голубчик! Очень рад вас видеть, – сказал он, как из-под полы совком протягивая руку. – Так что? Не лучше ль нам в тенек пойти, подальше от этой мелюзги, пока нас с головой ни окатили?

Под извиняющимся взглядом воспитательницы, покручивавшей свой «Зенит», они ушли с площадки у фонтана и сели на диван на боковой аллее. Варыгин вопросительно молчал,

пошмыгивая носом и жуя губами, как это бывало у него при напряжении. Думая о том, с чего начать, чтобы не выкладывать всего, Статиков расположил все главные вопросы по их значимости. Помня проницательный и хитрый ум главы профкома, в своем рассказе он ограничился лишь информацией о том, что уж давно не видел сына, хочет разыскать того и нужно в краткий срок оформить визу.

– Так получилось, что Еленины родители доподлинно не знают, где она. Но я предполагаю, она может находиться там же, где обосновался Кручнев. Может, вы смогли бы заодно уж выяснить его координаты?

Выслушав, Варыгин перестал жевать губами и опустил взгляд себе под ноги.

– Ну да, ну да. Я понимаю, – сказал он, как бы размышляя вслух. – Известно: кровь родная, сын. А что там может делать этот Кручнев, знаете? К законным действиям не склонен, здесь наворочал дел, туда подался. За этим сорванцом такие, милый мой, долги, что и сам черт не разберет! Ему не то что малое дитя, а так и бывшую жену, простите, поручить опасно. Да, я вас охотно понимаю. По делу же, не знаю, право, что сказать, даже и не знаю.

Он был далеко не так наивен, как могло бы показаться. Если его меньше знать, то можно было бы так и уйти, не получив в ответ ни «да», ни «нет». А он потом сказал бы, что уж позабыл, в чем был вопрос. Он мешкал, ибо ему надо было выяснить, чего еще известно Статикову, и нет ли в его просьбе скрытых червячков. Но, как и все чиновники, он был чувствителен на лесть; стоило попробовать сыграть на этом.

– Помню, вы раз помогли мне в трудном деле. У вас большой банк данных и знакомств. Может, не откажетесь помочь и тут? У вас еще остались связи в этом ведомстве?

Варыгин сбоку многосложно посмотрел и осенил лицо улыбкой.

– Ну да, я тоже, мой голубчик, помню. Да только связи в наше время стопорятся, коль шестеренки не подмажешь. Все поменялось: звонишь кому-нибудь, а он тебя уж как не узнает. Ладно, обещать не буду, но чем сумею, памятью нашу дружбу, помогу.

Оба посидели еще для приличия, обмениваясь ничего не значащими фразами, разом посмотрели на свои часы и встали. Варыгин был сама любезность и, пожимая руку, снова удостоил бесовщинкой на лице.

– А что, голубчик? Ведь вы за это время всё обдумали, я полагаю, и смею допустить, что успокоились? Уж не взыщите за такую прямоту! Так наново в нашу достославную обитель, не хотите ли? Могу заверить, что вашу эрудицию и опыт руководство ценит. Тогда бы, знаете ли, все упростилось.

Статиков определенно не хотел, чтоб все упростилось; он был уверен, что этот оборотистый и хорошо осведомленный человек и так все сделает по старой дружбе. Он промолчал, давая знать, что принял сказанное к сведению, еще разок пожал ладонь главы профкома. И попрощавшись, зашагал в другой конец аллеи.

Насчет недюжинных возможностей Варыгина он не ошибся: какую ни на есть скупую информацию, тот раздобыл уже через неделю, помог и с паспортом и с визой.

Дома они с Машей в тот же вечер рассудили, что он должен ехать.

Глава 3

В то время, когда Статиков умчался на автомобиле к центру поселения, в покинутом им красочном местечке возле маяка, представленном как с ностальгическим оттенком на открытке, происходила следующая сцена. Едва «Seat» исчез за поворотом, на бывшую в ста метрах перед берегом стоянку у рекламного щита с пенистой бутылкой пепси-колы вызревшей маслиной выкатил из-под олив, скрывавших въезд на старую дорогу, блестящий под лучами солнца черный «Форд». При появлении его, открытый красный «Кадиллак» с туристской парой, имевшей разногласия из-за того, где лучше отдыхать, под привередливую реплику сидевшей за рулем девицы, стремительно сорвался с места.

Из «Форда» вышел молодой мужчина в роговых очках, уверенно сидевших на его чуть розоватом от загара и ничем не примечательном лице со скромным римским носом, тонкими губами и слегка рыжевшим, будто он забыл побриться утром, подбородком. Он был в хлопчатых белых брюках и с бумажным свертком, придерживая тот у туловища локтем. Захлопнув дверцу и на ходу обдумывая предстоящий разговор, он медленно направился к колонне маяка, перед которой взад-вперед сновала смуглая фигура. О людях этой нестареющей профессии известно было ровно столько, чего тем надо было, чтобы это знали, иначе говоря, негусто. Для ограниченного круга лиц его оперативным псевдонимом было имя Феликс. Данное ему пять лет назад как бы авансом в память о сподвижнике революционного вождя, чего являлось просто совпадением, оно, естественно, не делало погоды в сфере его деятельности, и все-таки он этим именем гордился. В смежных областях Испании его все знали как предпринимателя – Марко (или, если на испанский лад, то Маркоса) Джеронимо, который пару лет назад приехал из Флоренции, где его бизнес прогорел, не выдержав высокой конкуренции. И он благодаря открывшимся возможностям ЕС решил испробовать себя на новом месте, – подался в Каталонию и с этих пор вполне легально проживал тут с общеевропейским итальянским паспортом. Фирма его занималась мелкооптовой продажей электрической коммуникации, что позволяло разъезжать по всей стране, осуществлять контроль заказов, а также видетаться с людьми необходимыми для сбора информации. Как Феликс он имел уже немалый опыт теневой работы, и с самого начала его чего-то настораживало в этом деле. Сценарий предстоящей операции был выношен и разработан наверху, в убийственной тиши отлакированных рабочих кабинетов, глядевших окнами за мглистый горизонт, и потому, как иногда случалось, на строевой форшлаг в отрыве от реальной обстановки. Во всей многоступенчатой логической цепочке проводимой акции, так скрупулезно проработанной, что не оставалось места для импровизации, было стилевое упущение: она казалась слишком уж громоздкой. Так что если что-нибудь сорвется на очередном ее этапе, то отвечать за все, как мелкому шурупу в ведомственном шифоньере, предстоит ему. Возможно, его отзовут в Москву для нахлобучки. Тогда придется отказаться ото всех удобств, которые давало назначение сюда, от встреч с Аmandой, прелестной и смышленной каталонкой, отец которой был одним из лидеров сепаратистской партии, сменившей лозунг полной автономии на отделение и из-за кризиса особенно нуждающейся в средствах. В Москве считали, что Феликс должен разрабатывать намеченную связь через Аmandу дальше. Осуществив задание, то есть, оказав посильное влияние на ситуацию, он смог бы получить приличную надбавку в послужной бэкграунд. Но если в управлении чего-то переменится, придет другое руководство, чего уже имело место, пока он был в Италии, и временно план операции по Каталонии положат под сукно, тогда, пока все устаканится, он смог бы тут еще пожить, не выставя себя напоказ, залечь и окопаться. Тогда он смог бы сделать предложение Аmandе, которая, как виделось, уже созрела для такого шага, была, похоже, безотчетно влюблена в него, – и с несомненным преимуществом для собственного бизнеса и для своих первостепенных дел на

ней жениться. Вступивши в этот мезальянс, и обзаведясь при помощи ее отца влиятельными связями, он мог бы стать в пока что не своем открытом предприятии одним из пайщиков, насчет чего уже была договоренность. Служа все тем же идеалам, он мог тогда зараз убить двух зайцев: остаться в поле досягаемости и пустить здесь корни. Да, и чтобы более его по всяким пустякам уже не дергали! Пусть даже в некоторых задачах, что возлагались на него, ему и приходилось сомневаться, в свое предназначение и избранность пути он верил искренне. К тому же, если не вдаваться в изложение идеологии, так выбранное поприще нравилось ему как такое, интеллектуально. Его считали мастером по многоходовым и нестандартным комбинациям и, если от него чего-нибудь зависело, он как гроссмейстер, видящий на несколько ходов вперед, мог наслаждаться уж самим процессом каждой партии. Его союз с Амандой, которая была для Центра гражданским непроверенным лицом, при этом подданной другого государства, и в силу одного того могла бы представлять опасность, был против жестких правил, запрещавших долговременные связи, и с точки зрения Москвы мог выглядеть двусмысленно. Но он считал, что с перспективой на отрывавшиеся преимущества такого брака, начальство эту его вольность оценило бы. Тогда он смог бы приступить к осуществлению возложенной на его миссию *большой* задачи. Таков был видимый расклад при всех разумных допущениях, – и междустрочный и собственно его, житейский, если это слово тут уместно. Но если что-нибудь сорвется в этой несурзадной операции, то его планам будет амба; пойдет ползком слушок между его коллег, разбросанных по европейским городам и весям: известно будет, что он в чем-то прокололся. Поэтому, идя на встречу с завербованным им парнем, он думал убедиться, что первый ход в намеченном дебюте – верен. А если так, тогда он сможет контролировать всю партию, не дать ей произвольно отклоняться в сторону или нарастать как снежный ком.

Марио стоял у люка с кабелем и электрической разводкой. Он еще издали заметил Маркоса, что было ощутимо по движениям его сухой и жилистой фигуры, ставшей сразу мешковатой, скованной. При первой их приватной встрече, которая была у скверика перед часовней, Маркос минут двадцать наблюдал за ним из своего автомобиля и сделал вывод: для более серьезных поручений этот прыткий итальянец не годится.

– Привет! – сказал он по-испански. – Чего, смотрю, опять авральные работы?

От вразумлявшего фаянсового тона Марио немного растерялся, собрался вроде что-то брякнуть, огрызнуться, но тут же осознал свою оплошность. (Считалось, что накоротке они знакомы не были, до этого беседовали раз и то при посторонних).

– Привет! Да нет, дневной регламент, как обычно. Шеф подойдет к обеду, начальство тоже хочет погулять. Я вижу, ваша фирма бойко управляется с заказами. Он говорил, что ты приедешь позже.

«Я этого не обещал», – оглядывая двор, отметил Маркос. Паренек юлил, чтоб скрыть свою растерянность.

– Мы думаем о нуждах наших постоянных покупателей. Сам понимаешь: польза для клиентов – выгода для нас. Твой босс заказывал предохранители. Жаль, я не застал его. Вот, получи и сосчитай, всё как договаривались.

Свидетелей их разговора не было; о том, что они коротко знакомы, никто не знал, и конспиративность не была такой уж обязательной. Но парня надо было приучать к порядку.

Марио взял сверток, наполовину развернул, взглянул на фирменную надпись на коробке и показал на дверь внизу колонны маяка:

– Шеф любит аккуратность, я положу на полку, чтобы на виду уж было. Подождешь?

Он был сообразителен. Между предохранителями была пачка денег, некрупная, но и недурственная для проведения вечернего досуга на ближайший месяц. Когда он вышел, то по его лицу и правому карману удлиненных шортов заметно было, что он проверил содержимое – и положительно доволен.

– Как раз что надо! – деловито произнес он. – Шеф за такую расторопность будет благодарен.

Маркос усмехнулся.

– Что надо, говоришь? Ну, я ведь – коммерсант, и для себя старался.

Он оглянулся на свой припаркованный автомобиль, который был по-прежнему один перед кольцом дороги, и посмотрел на ограждение за маяком, на самой оконечности вытянувшейся к морю кромки суши.

– Вы ведь не пускаете сюда туристов? Давно хотел взглянуть: наверное, оттуда отрывается шикарный вид. Мне кажется, твой босс излишне щепетилен: сделали бы ограждение получше и брали бы со всех, кому охота, деньги.

Смышленный Марио кивнул. Сделав вразнобой десятка три шагов, они остановились у перевитых поржавевшей проволокой хлипких столбиков перед обрывом. При разговоре с этим парнем особой осторожности не требовалось, но Маркос был привычно бдителен: внизу, на каменистом ложе волны с ревом пенились, и шум их приглушал слова. Марио смотрел на остроклювых птиц, круживших над волнами, и с недоумением поглядывал на своего наставника. При всей своей неискушенности он был ответственен и ожидал расспросов. Маркосу немножко стало жаль его.

– Ты сделал все, как я просил?

– Да. Он был взволнован. Как ты и говорил, он стал рассказывать мне про свою пропавшую жену, которую он хочет разыскать.

– А о ребенке, своем сыне, ничего ни спрашивал?

– Нет, только о жене.

– И ты направил его напрямиком в полицию?

– Ну да, как ты просил. Мне показалось, что он отнесся к этому с иронией. А что я поспешил? Думаешь, он больше не появится?

– Может и появится. Но больше не вступай с ним в разговор, сошлись на то, что дел по горло. Я думаю, что он уже и так заинтригован. В полицию он не пойдет, уж точно. Открытку он показывал?

– Показывал. Я рассказал ему, о чем мы договаривались, к тому же это – так и есть. Когда я показал ему в пятно на фотографии, где эта недостроенная башня, и объяснил, что она появилась тут недавно, его это как будто заинтересовало. Послушай, Марко... – Парень неуверенно повел на Маркоса своей, должно быть, сильно возбуждавших девушек бородкой. – Послушай. Я знаю, что не вправе спрашивать, и все же, что там, на холме? какой-нибудь тайник? Ты говорил, что он – член русской мафии, приехал для того, чтобы свести тут с кем-то счеты. Хотя, ты знаешь... Да, я понимаю, у меня нет опыта. Но коли судить по разговору, он на громилу не похож и выглядел прилично.

Маркосу вновь стало жаль его.

– Ты сделал свое дело, Марио, и вправе задавать вопросы. Не то чтобы тайник, а так, условный знак, в котором он хотел удостовериться, чтоб подтвердилось то, что он не опоздал и фотография, которую он получил, – не липа. Все дело в подлинности этой фотографии и соответствии ее тому, чего он тут увидел. Ты ведь объяснил ему, что эта башня там недавно? Нам было надо, чтобы у него закралось подозрение, чтоб он засуетился и наделал глупостей. Не переживай, меры уже приняты, так что никто не пострадает. Если он надумает осуществить свой тайный план, с ним встретятся, поговорят и все. Такая карусель. Уж извини, но больше я тебе сказать пока что не могу.

Чтобы успокоить парня, Маркосу пришлось солгать, сказать, чего тот сам хотел услышать. Без меры насмотревшись мыльных телесериалов, тот делал заключение о скрытой сущности людей по одному шаблону. «Спросить бы у него, а кого я ему напоминаю!» Он отодвинулся на пол-локтя, чтоб лучше было видно профиль парня. По впечатлению его несведущий

подельник был удовлетворен ответом: от погружения в детали операции, как и любой профан, был рад и преисполнен осознанием своей немаловажной роли.

Парень помолчал и нерешительно взглянул на Маркоса:

– Ну да. Я понимаю...

Нетрудно было угадать, какой вопрос так и просился с его языка, но вместо этого он показал на чернокрылых птиц, летавших над волнами:

– Ни разу их тут не было еще, по крайней мере, я не помню. Я говорю – фрегаты.

Он мог себе позволить расточать слова и быть сентиментальным. Думая, как можно это обстоятельство использовать, Маркос тоже поглядел на экзотических пернатых, которых, может, с Кабо-Верде занесло сюда. Ему подумалось, что этот малый не по норме уж смышлен для человека, которому по ходу операции следовало знать о ней как можно меньше, и в случае малейшего прокола он должен будет тут же сообщить об этом нанятом им персонаже Центру. Марио был тоже итальянцем, – правда, настоящим. На родине он примыкал к одной из правых молодежных группировок, участвовал в ее крикливых сходках и манифестациях, хотя по наведенным справкам ни в чем порочащем замешан не был. В оперативном плане это было минусом; и все же некоторый крючок был в его личном прошлом, в одном подвохе на любовном фронте, также как и в продолжавшейся разгульной жизни здесь. Любитель приключений и неутомимых походов с каталонками, по возрасту и темпераменту он был горяч и все еще любил играть в шпионов. Смысл проводимой акции, насколько смог проникнуть в ее дебри Маркос, заключался в том, чтобы направить *Странника* по следу, при помощи чего найти другого человека, который срочно требовался Центру. Поэтому для всех ее участников, кроме, может, одного, она должна быть ювелирной и бескровной. Но в случае провала с возможностью утечки информации, это не касалось лиц с таким набором сведений, которых было бы достаточно для наблюдательных спецслужб, чтобы за самый кончик нити ухватиться. По своему психологическому складу и агентурной разработке парень этот был – случайное наемное лицо, и Маркос мог лишь посочувствовать тому: сорвись чего-нибудь, пойдешь не так, он знал, как с ним поступят.

– Фрегаты, говоришь, которых никогда тут не было? Скучаешь по своей Сицилии, я вижу. Ладно, я кое-что скажу тебе, а ты потом уж сам подумай. Знаешь, есть такие люди, которые кочуют тоже как фрегаты. Не все, незримая глазами часть из общего числа, зато такие, кого по праву можно было бы назвать элитой. Служа идее справедливости и движимые чувством долга, они нередко забывают о самих себе и, залетая в дальние края, рискуют. Работа этих смельчаков опасна. Но все их знания и мастерство направлены на то, чтобы спасти других, предупреждать и отводить несчастье. Считай, что...

Он посмотрел на сицилийский профиль парня, чтобы оценить, насколько тот расчувствовался от его патетики.

– Да, ты славно справился с заданием. Считай, это своим посильным вкладом и экзаменом. Встретаться здесь нам больше ни к чему, ну, разве что твой босс мне позвонит, еще чего-нибудь закажет. Следи за предлагаемым ассортиментом нашей фирмы. Придет пора, я сам тебя найду.

Речь вышла зажигательной, хотя и пустоватой, что и требовалось. На этом шустром паренке свет клином не сошелся, но он достаточно владел английским языком и еще мог понадобиться. Все координаты Маркоса, которые тот знал, – так же, как и сам зритель, были малозначимыми или вымышленными. Их душевный разговор мог вообще не состояться: сообразуясь с обстановкой, Маркос сделал тут поблажку парню. Тот был сметлив и понял это. Когда они прощались, его ладонь была податливой и влажной, как из неокрепшего твердеющего воска. Он честолюбиво улыбнулся, переваривая похвалу, и как-то по-собачьи заглянул в глаза.

– Выходит, что теперь одним убийством станет меньше? Как метко ты сказал об этих птицах! А ведь, казалось бы, фрегаты – как фрегаты: как улетят, никто о них уже не вспомнит. Так ты найдешь меня, если я еще понадобится?

В душе он вроде был и не таким уж простачком, каким казался, и червь сомнений все еще глодал его. Маркосу не оставалось больше ничего, как только лишь похлопать парня по плечу.

– Не сомневайся, Марио. Найду.

Когда они прощались, то на другом конце Европы, в одном из кабинетов с видом на тенистый лесопарк, что полегоныку поглощался новостройкой по сторонам от проходившей недалече МКАД, – на пятом этаже высотного прямоугольного строения с чеканным и двойным фасадом, за Т-образным полированным столом, увенчанным графином со стаканами и почти девственной стеклянной пепельницей с вдавненным в нее еще с утра окурком, беседовали трое человек. Для двух из них, что ведали составом европейской агентуры, а также разрабатывали и курировали из столицы ход текущей операции, которая была известна всем троим под кодовым названием – «Икар», планерка у начальства в этот жаркий летний полдень, ни выпади она из графика, могла бы оказаться рядовой и скучной. Перед полковником, одетым в легкий бежевый костюм, лежала папка с фотографиями, очки со сложенными дужками, а также обрамленная пластмассовым каркасом лупа. Не глядя на своих коллег, похмыкивая и хмуря брови с проседью, он перебирал материалы дела пальцами, пока ни просмотрел всю папку.

– Какой-то ералаш! – сказал он, ни к кому не обращаясь.

В его глазах на табельно-морщинистом лице, – для тех, кто помнил его тридцать лет назад, суровом и холодном, но с возрастом помалу поистратившем былую непреклонность, как пообмякшем в этом кресле, – зажегся огонек, не предвещавший младшим офицерам ничего хорошего. Фамилия ему была Астахов. В недрах СВР ему подведомственен был небольшой отдел со штатом грамотных, прошедших полевые испытания сотрудников; причем его пост не был строго засекречен и в аналогичных иностранных службах по разным слухам до третьего колена знали его родословную. Когда-то несший службу в КГБ и перешедший после в ПГУ, сам кадровый разведчик, он поначалу тяготился этой популярностью, которую при прочих обстоятельствах едва ли можно было бы рассматривать как преимущество. Но так распорядилось руководство в свое время, переместив его на эту должность. Оно решило, он исполнил. Таков порядок: понятно, что в итоге кто-то должен отвечать за все.

– Я говорю, какой-то ералаш! – сухо повторил он, на это раз подняв сердитые глаза на подчиненных. – Сидите, точно в рот воды набрав.

По расторопности и интеллекту он выделял двух этих офицеров из более аморфной массы. В условиях работы он помнил их еще юнцами. Некогда перспективные воспитанники в «школе», как еще по старинке тогда называли институт – КИ КГБ СССР, где он преподавал, оба после славно отслужили за границей. При выполнении задания один был ранен, а всё сумел с кровоточащей раной и раздобытым микрофильмом удачно пересечь границу; другой через посольство переслал материал, который нужен был для разработки нового ракетного оружия. Впоследствии оба офицера были представлены к наградам и по его ходатайству снова оказались под его крылом. Он был доволен тем, что настоял на этом назначении. Так же, как он сам до этого, приятели были поставлены на кропотливую оседлую работу, где уже образовалась брешь: от прокатившей по российскому простору смуты и реорганизации в сердце Управления тогда особенно нужны были способные и знавшие оперативную работу люди. А инициативные – всегда упрямые. У этих двух был дар к теоретической работе, что у практических разведчиков встречается нечасто, к тому же оба знали, что иногда могли с ним и поспорить. Для пользы дела он позволял такую вольность, но, памятуя их изобретательность и биографические данные, старался этих удалыцов держать в узде. Прежде, в разведшколе, где имена их ныне обросли легендами, эти двое были ярыми соперниками, все норовили перещеголять

друг друга, за что сокурсники, помимо «школьных» азбучных фамилий, втихую наделили их своими прозвищами – *Хара* и *Астерион*. (В средневековье, насколько знал он, так назывались группы звезд в созвездье Гончих Псов: южная именовалась *Хара*, а северная – *Астерион*). Людская память въедлива. Хотя у каждого из них теперь уж были свои дети, они при нем по-прежнему конфликтовали по привычке. И он, когда бывал не в духе, все так же называл про себя. Ткнув ножкой лупы в фотографию, он посмотрел на ближнего к нему bruneta с точеным узким подбородком и глубоко сидевшими малоподвижными глазами, который в институте был известен как *Астерион*.

– Я говорю, все слишком просто, прямо как первоапрельский розыгрыш. Вы проверяли, криминалисты в смежной контрразведке не могли напутать?

– Нет, скорее, если уж вы сомневаетесь, так аналитики чего-то намудрили, – не изменяя настороженного выражения лица, ответил офицер, который был в рубашке с засученными рукавами. – Как было установлено, в пятне на фотографии закамуфлирован ряд цифр, невидимых невооруженным глазом. По данным аналитиков семь чисел совпадают с датой дня рождения и номером по избирательному списку публичной политической персоны. Сейчас разгар предвыборной кампании. Открыто он не афиширует свои симпатии, но как сенатор примыкает к праволиберальной партии, ратует за усиление расходов на нужды МВД и оборону.

– Что, Верхняя палата представителей, в которой заседает этот ваш сенатор, так тоже уже делится теперь на фракции?

– Формально вроде нет, – насмешливо сказал *Астерион*.

– По-моему он просто горлопан, – вставил кареглазый полноватый *Хара*, он был отходчиво завистлив, в меру скрытен и, как всегда, присаживался через столешницу от своего приятеля. – Они себя сенаторами сами называют. В общем, это даже и не наше дело, если бы оно так точно ни вписалось в наши планы. *Семь* цифр. Они не могут быть случайным совпадением. Ну, разве только перед выборами тамошние, да и наши аналитики лишнего чуток подстраховались: решили сразу с этого конца копать.

– А я тебя про аналитиков не спрашивал, ты за другие овощи и фрукты отвечаешь, – взглянув в бумаги, урезал его прыть полковник; ему казалось, план операции грозил сорваться, была нужна коррекция. – Ну, хорошо. Представим, что не совпадение. Тогда при чем тут этот *Статиков*, он же по проводке – *Странник*?

Из-за допущенной осечки сослуживца *Астерион* подумал, что вопрос был обращен к нему.

– Открытка была послана родителям его жены, которая по нашим сведениям находится сейчас во Франции. Со *Странником* она в разводе. Но у него есть сын, которого он хочет разыскать и привезти сюда. О местонахождении ребенка с матерью ее родители не знают. Расчет был сделан этой его бывшей, как я понимаю, именно на то, чтобы разжалобить его, ну, как это умеют женщины, понудить вылететь в Испанию. И нам пришла идея эту ситуацию использовать. Разыскивая сына, он должен вывести нас напрямиком к искомому объекту, а также фигуранту затянувшегося дела.

– А дельце-то объемистое! – вставил *Хара*. – И это даже без того, чем мы располагаем. Недреманным коллегам на Лубянке его давно уж спланировала прокуратура.

Надев очки, полковник посмотрел на фотографию.

– Насколько понимаю, этот фигурант – тот самый, которого вы окрестили *Мулом*? Да вроде непохож. А что это вы всем тут беговые клички дали?

– Он – темная лошадка, *Николай Ильич*, – вновь перехватил инициативу *Хара*. – За ним тут старые долги, но в основном он нужен здесь по делу о *Трофимове*, которого вы лично знали, если я не ошибаюсь.

Это был долгоиграющий намек на скрытую осведомленность и заинтересованность начальства. Полковник мог бы тут же остудить всезнайство подчиненного, но, руководствуясь своим соображением, сдержался.

– Не ошибаешься. Не раз встречался с уважаемым – и по своим прямым обязанностям и как приятель. Без преувеличения могу сказать: он был исполин и по кругозору и в работе. Как из последних могикан. Таких людей, как говорят, уж не осталось и, может, никогда не будет. Но вот что любопытно. Умер человек. А то, чего нашли в его бумагах, хватит для анализа таким, как вы, еще на десять лет.

Хара понял, что не вовремя упомянул об уважаемом покойнике, квелю улыбнулся и с напускной покорностью понурил голову.

– Вы нас недооцениваете, Николай Ильич! Я всего-навсего хотел сказать, что это дело обросло травой. Простите, я не хотел вас чем-нибудь задеть.

– Да ты и не задел. А я кого люблю, того ругаю... Не дергай сразу с места да в карьер! Ну, что у вас там дальше?

– Так вот, – продолжил Хара. – Поскольку в его прежних связях нам не все понятно и у прокуратуры к нему есть вопросы, то лучше, если бы он выехал сюда без всякого нажима, добровольно.

– Кажется, он мнит себя борцом за справедливость. Боец невидимого фронта, – запальчиво сказал Астерион. – В некотором смысле наш коллега. Такая хирургия, Николай Ильич: если это дело просочиться в прессу, тут же растреляют, не пожалеют красок.

Хара косо посмотрел на своего приятеля.

– Ну, может быть, его и посадили бы, да кто-то прикрывал, у прокуратуры руки были связаны. По нашим данным некогда у них была здесь дружная компания, еще со школы. *Мул* прежде промышлял валютой. Его отец, первый секретарь обкома, был из разряда новоиспеченных прогрессивных коммунистов, затем трагически погиб. И в память об отце сынка не трогали. Потом пути их разбитной компашки разошлись. Один, который выехал в Испанию пораньше, успел обзавестись семьей там. Ныне проживает в Барселоне. Устроился на ниве экспорта отборного вина в Россию.

– Это оно здесь отборное, а там идет как суррогат из жмыха, – не удержался от сарказма не больно ласковый Астерион.

– Ну, перед тобой я не такой большой знаток по этой части! – огрызнулся Хара.

Полковника не удивило бы, если бы они сейчас вскочили, чтоб подражаться. Астерион был более горяч, когда отстаивал свою позицию. Хара же, если ему не мешал его приятель-интеллектуал, мог изъясняться, хоть и очень нудно, – точно отмерял губами каждый слог, – зато последовательно.

– Я слушаю, закончи свою мысль, – сказал он офицеру.

– Так вот. О нем самом и о его теперешних подельниках мы не владем точной информацией. Видать, нашел пригосее местечко где-то и хорошо законспирировался. О третьем, который в то же время был его телохранителем, данных у прокуратуры тоже кот наплакал. Но изо всей былой компании *Мул*, по-моему, единственный, кто мог иметь прямое отношение к выявленной криптограмме на открытке.

– Хм. И вы хотите, чтобы этот плут приехал добровольно?

Полковник знал уже, какой последует ответ. Планерка шла, как полагалось. От мелких стычек подчиненных четче выделялись контуры и еще скрытые пропорции всей операции. Если бы он сделал им обоим взбучку, они бы только попусту перегоняли ртами воздух и оправдывались.

Хара посмотрел в глаза начальству, лстя себе надеждой что-то прочесть в них, и перевел взгляд на стоявшую правее пепельницу.

– Я понимаю. Мы проработали и этот вариант, – растягивая гласные, сказал он. – Само собой, с расчетом на опережение. До выборов еще четыре месяца. Я думаю, успеем.

– Ну-ну! – Полковник одобрительно кивнул бровями и развернул досье с оперативной сводкой, присланной из смежного подразделения. – Здесь сказано, что этот Статиков живет с любовницей, большую часть времени проводит за работой дома и сам вне подозрений. В характеристике по месту его прежней службы, в том числе указано, что он чувствителен, отзывчив. По логике вещей понятно, что он желает разыскать свою пропавшую жену с ребенком. Каких-либо проводок по его недавним связям, которые могли бы вызвать подозрение, в этих справках нет, – да мало ли чего? Ну, это мы пока опустим. А вот что получается на деле. Выходит, как он получил эту открытку, так сразу же уехал. Но если сам он вне игры, тогда неясно, как он собирается разыскивать свою жену. Она – во Франции, а он сейчас – в Испании. Зачем?

– Вы правы, – согласился Хара. – Пока неясно, насколько он причастен. Одним из аргументов в его пользу может послужить тот факт, что у него в руках, возможно, есть координаты друга *Мула*, этого Лепорского, что проживает в Барселоне. И с его помощью *Странник* думает узнать чего-то о своей жене.

– Да, такая вероятность есть, – сказал Астерион. – Хотя они уж восемь лет не виделись. Я бы, окажись на его месте, не рискнул.

– Да ты и на своем стараешься не рисковать! – не удержался от попутной шпильки Хара.

– Ладно, прекратите! – одернул их полковник.

Дело представлялось ему не таким простым; чтобы не сесть в калошу, всё надо было тщательно продумать.

– Допустим. Но если все в аналитическом прогнозе – верно, то кроме нашей службы его может кто-нибудь еще использовать. Круг его нынешних знакомств уже проверили. И все-таки, не мог ли он кому-то показать открытку?

Астерион ощерился полоской белых, как искусственных зубов, или никогда не знавших сладостей и никотина. Он ожидал, когда шеф возвратится к этому вопросу.

– Я говорю, здесь неувязка. За месяц до его отъезда наружка ничего не выявила. Он домосед, ни с кем особо не встречается. Сейчас его контакты перепроверяются – ну, в предположении, что верен вывод аналитиков. И в общей сложности – я просчитал – по этой операции такая хирургия получается: даже если цифры на открытке – совпадение, путив по следу *Странника*, мы ничего не проиграем, Николай Ильич.

От витиеватой и прозрачной медицинской лексики морщины на лице полковника сложились в выражение неудовольствия, как если бы он съел прокисшую капусту. Раздумывая над сделанной ремаркой, он опустил взгляд в папку с фотографиями. Астерион, хотя и был горяч, и все же нравился ему побольше Хары, был утонченнее того – умом, не на словах. С тех пор как ему вырезали в госпитале полжелудка, это свое «хирургия» он произносил как бранно оборотистое – «блин», когда хотел цветисто выругаться.

– Возможно, вы не проиграете, майор. Речь идет об уважаемом публичном человеке, а не о божже каком-то. А вы сидите тут вдвоем и философию разводите!

Полковник для острастки пожурил их, но сам же понимал, что оба рассуждали здраво. Здрово и последовательно. Он поглядел на офицеров, которые как ожидали, что он это скажет. «Здрово рассуждать» – сделалось его привычным выражением, которое он с возрастом все чаще повторял при подчиненных, хотя когда сам слышал то же от начальства, не терпел. Скандал, когда чего-то просочится в прессу, может обернуться преждевременной отставкой, в которую ему по возрасту и так пора. Но уходить с таким пятном в досье он не хотел. Класть же свою голову на плаху, то есть признаваться в том, что вверенный ему отдел чего-то проглядел, не может справиться и надо подключать другие службы, – учитывая то, какие в это дело втянуты персоны, – пожалуй, тоже было преждевременно. Он верил в трезвый ум и оборотливость своих специалистов, на месте их он рассуждал бы точно так же и мог на это поло-

житься. Астерион как более предусмотрительный был прав. Правда или нет, чего нашли на этой криптограмме, профилактической работой по предупреждению терактов и заказных убийств на территории страны ведает не их структура. При этом даже если покушение не состоится, его потенциальную возможность и организацию можно будет адресно списать на *Мула*, который, как его найдут, может испугаться правосудия, поддаться малодушию, чего уже не раз бывало в практике, и не доехать до России. Набившая на нем оскомину прокуратура, заваленная более тяжеловесными делами, от этого лишь радостно вздохнет. В то же время этот претендующий на президентский пост сенатор, на чью фамилию оперативно вышли аналитики, не так был выгоден кому-то, если на запрос о несанкционированном доступе в его компьютер служба, контролирующая всякие тому подобные претензии, решила ограничиться простым уведомлением. В противном случае поднялся бы переполох и на ковре у руководства, сначала двум его коллегам в ФСБ, а после и ему пришлось бы раскрывать все карты. Но если с ролью *Странника* все сложится удачно, они на этом смогут выиграть, предупредив все неудобства связанные с *Мулом*, хотя бы в случае частичного провала.

Он снял очки, сложил и постучал их уголком по развороту папки.

– Короче, так...

Оба офицера ожидали, что он скажет. Субординация. Они могли хоть целый день глядеть ему в глаза: лицо не выражало ничего, за вычетом того, что требовала ситуация. Да, он мог бы одним махом отменить всю операцию, чего им надо было бы расценивать как недочет во всей уже проделанной работе; но это был бы и его просчет.

– Короче, так. Защита государственных персон – на наше дело. Я говорю об этом всеми уважаемом сенаторе. Я попрошу, чтобы за ним присматривали и чтобы держали вас обоих в курсе. Шум поднимать пока не будем. А то мне вон уж переслали по этапу тарактелку: взлом личных данных. Направил, кому следует запрос, и жалуется.

Он спрятал в стол свои очки и строго посмотрел на подчиненных. Они стрельнули вбок зрачками и переглянулись.

– Мы тут не при чем. Это на Лубянке... Это аналитики перестарались. У них свое начальство, – сказали разом Хара и Астерион.

Расставшись с Марио, Маркос не хотел лишать себя возможности обследовать уж заодно и этот злополучный холм, поэтому как сел в автомобиль, решил проделать часть пути по той позаброшенной дороге, которой он сюда приехал. Легенда у него была отличная, и он за всю свою работу не мог посетовать на то, что был неосторожен. Но в каждом деле, которое пока что не лежит в твоём кармане, всегда есть доля риска. Как было оговорено в полученной шифровке, за *Странником* он наблюдал от самого аэропорта в Мадриде, узнав того по присланной из Центра фотографии. Инструкция предупреждала, что объект – не лох и наблюдателен. А Маркос знал, что есть такие люди, что могут тотчас же запомнить человека, даже если мельком где-нибудь того увидят. Так что лишний раз светиться перед тем в безлюдном месте не хотелось.

Взглянув в окно и убедившись, что приближавшихся автомашин не видно, на малой передаче он въехал в рощицу олив. Метров через двести, у подъема, где она заканчивалась, был поворот на основную магистраль, а серпантин асфальтового полотна стремился от подножия холма к посаженным по южным и восточным склонам виноградникам. В четыре по полудни он должен был увидеться с Алонсо, своим нештатным, но талантливым подручным, который был незаменим для всевозможных хлопотливых дел. Алонсо знал его как начинающего коммерсанта, имевшего помимо прочего свой интерес по части виноделия на юге Каталонии: Маркос нужны были перспективные заказчики для мелкооптового рынка сбыта, сведения о потенциальных конкурентах и заодно любая дополнительная информация о них. Алонсо честно отрабатывал свой гонорар, при этом был сообразителен и обладал бульдожьей хваткой. Учитывая

это, Маркос собирался под каким-нибудь предлогом поручить ему отслеживать дальнейшие контакты *Странника*. Те самые контакты, которые, если полагаться на расчет, должны бы скоро увести того отсюда. Главная цель операции была на юге Франции. А Франция была вне сферы деятельности Маркоса, он знал, что выезжать отсюда ему не придется. Но заключительный аккорд игры, как говорили ему навыв и чутье, по всем прикидкам будет здесь. Так что до конца сиесты, когда весь городок как вымирал, надо было бы на всякий случай изучить все подступы, ведущие от маяка на холм, и место наверху, где находилась эта недостроенная башня.

Когда он выехал из рощицы на земляной не зарастающий участок между подъездом к новой магистрали и забиравшей вверх, с однополосной колеёй дороги, по днищу как картечь зашелкала щебенка. Здесь был уклон, водители старались притормаживать, и щебень мог свалиться с идущего наверх грузовика. Он благополучно миновал промоины, которые остались от ручьев прошедшего когда-то ливня; и лишь покрышки прикоснулись к плотному покрытию, автомобиль рванул вверх проворнее. В зеркале обзора, кроме удаляющейся рощицы и двух напуганных овец, все еще глядевших ему вслед, больше ничего не видно было. Пасущиеся овцы навели его на мысль, что через холм, когда еще крутые склоны того ни облюбовали виноградари, должна вести бы где-нибудь тропа, которой могли пользоваться жители или для прогулок на вершину парами или чтоб не делать долгий крюк в соседний городок. Топографическая съемка в его планы не входила. Хотя любой ничем не примечательный пустык когда-то может пригодиться, и он решил, что как поднимется, так надо будет лучше оглядеться. Если разыскать ведущую наверх тропу, прикинул он, то весь подъем от маяка при надлежащей тренировке займет не больше двадцати минут. Внутренне он не был расположен к грубым методам работы, поэтому ему бы не хотелось, чтобы по ходу операции кому-нибудь пришлось воспользоваться этим подступом не с экскурсионной целью. Та пара в красном «Кадиллаке», которую он видел возле маяка, была нездешняя, да и на туристов мало походила. И это Маркосу не нравилось. Центр мог подстраховаться, это ясно. Но если так, ему должны бы были сообщить. При необходимости он пользовался специальной связью, передавал и получал зашифрованную информацию; но с самых первых пор работал в одиночку: чтобы отсеять все подозрения, его тут напрочь изолировали, и он так и варился в собственном котле. Его прямое руководство знало об Алонсо, но тот был не из тех, кому он мог доверить более того, чем краткосрочные услуги по своим коммерческим делам, пусть даже вымышленным. Иначе говоря, таких напарников, при помощи которых он мог бы с меньшим риском обеспечить выполнение задания с прикрытием, здесь не было. Вся его разведывательная деятельность пока что заключалась в том, что называлось неактивной фазой, то есть, в наблюдении и передаче информации в Москву. Но если так случится, что составные звенья миссии будут под угрозой срыва или же разоблачения, уж тут они спохватятся, – подумал он, подавлявая тормоз, – безотлагательно пришлют кого-нибудь!

Дорога сделала последний поворот перед откосом, слева за которым простирались хребты гор, сделалась пологой и из зеленеющих шпалер еще не различимого на лозах винограда уперлась в ограждение строительной площадки. Размахом футов семьдесят, по сторонам от приоткрытых грузовых ворот, сводивших ее в этом месте к минимуму, она была обнесена в рост человека пластиковой сеткой. Маркос подогнал машину к изгороди и сделал разворот, чтоб можно было сразу без помех уехать. Затем сменил свои очки на дымчатые, которые лежали в бардачке; достал соломенную шляпу с заднего сидения, извлек из сумки фотоаппарат со всеми причиндалами того и вышел. Теперь он был – беспечным иностранцем, большим любителем пейзажей, заметившим удобную для съемки точку снизу. Он знал, что мог легко сойти за англичанина, проездом заскочившего сюда, чтобы пощелкать с высоты затвором. К тому же брошенная стройка никем не охранялась, а за воротами аграрные владения кончались.

Двор внутри был иссечен траншеями с уже проложенной коммуникацией и арматурными опалубками; напротив, у края противоположной стенки был запертый сарай, в которых держат инструмент или чувствительные к влаге стройматериалы. Канава для отвода сточных вод,

у выложенного кирпичом колодца, вела к бетонной эстакаде в центре, с надстроенной в два этажа незавершенной башней. То, что ее называли «смотровой», явилось поводом для разногласий муниципальной прессы, представленной всего одной газетой, с местной властью. Когда та объявила, что речь идет всего-то об обзорной и оснащенной телескопами площадке для туристов и город сможет получать от этого доход, – неоговоренная часть которого, надо полагать, была нужна еще кому-то, – строительство задумчиво остановилось.

Через траншею к входу были перекинута мостки. Пройдя по ним, Маркос оказался в темном затхлом помещении, похожим на рудут или на подземный склеп для съемки триллеров. Он сделал два шага вперед, чтобы впустить внутрь свет, и с правой стороны увидел лесенку, та была на металлических опорах и в три зигзага поднималась к выложенному досками настилу. Когда он начал подниматься, она как шлюпка на воде гуляла под ногами, неверно ступишь – того гляди могла перевернуться. Согнувшись в три погибели, через открытый люк он вылез на площадку. Снаружи воздух был прогретым, в глаза ударил блеск стеклянного осколка. Периметр площадки где-то на полметра опоясывала стенка с крестообразно сделанными выемками. На досках был песок и вороха строительного мусора: видно было, что по ним никто давно уж не ступал. Одна доска была закреплена непрочно, прогибалась, если наступить на край.

Он выбрал место меньше засорённое, поближе к бортику, и чертыхнулся. По требованию профсоюза лиц его профессии – засушливое время года стоило бы вовсе упразднить. Была бы слякоть, так высохшие отпечатки чьих-то ног, тогда бы еще можно было обнаружить. Так что оставалось удовольствоваться тем, что есть, и положиться на фантазию. Да, чего-чего, а этого в Испании хватало. «Сегодня ночью обещают дождь!» – мурлыкала ведущая дорожной развлекательной программы, когда он утром ехал к маяку. Она хихикала, ей и самой не верилось в такой прогноз. Прикрыв лоб козырьком ладони, Маркос поворочал головой. Жарящее солнце близилось к зениту, ослепляло после казематной тьмы внизу. Мыс, автостоянка и площадка перед маяком, с рябившей бирюзовой водной гладью, лежали у подножия холма как на ладони. Бленду к фотоаппарату он поленился захватить. Заметив в куче мусора газету, он нагнулся и поднял ее. Это был апрельский выпуск *Marca* – спортивного издания, которое здесь было очень популярно. Он вытряс из нее песок, свернул, прикидывая, как будет выглядеть такой навес, чтобы от берега не видно было никелевый байонет и блеска объектива. Затем поднял на темя свои солнцезащитные очки и сделал вдоль – по склону и до маяка – четыре снимка. Выполнив рутинную работу, он вынул из кармана специальную насадку и закрепил ее на байонете аппарата, вследствие чего видеоискатель мог работать как бинокль. Он опустил тот вниз, к началу склона перед виноградниками, и вскоре разглядел меж зелени тропу: она была правее того места, где он из рощи выехал на горную дорогу. Через прикрытую калитку в изгороди, тропа карабкалась на холм, вилась вокруг шпалер и выходила к башне. Пока неясно, придется ли ему или кому-нибудь еще по ходу операции воспользоваться этим подступом сюда. Но городские власти были правы: лучшего, чем это, места для панорамного обзора не найти.

Он приподнял видеоискатель и там, где сам был только что, перед обрывом, у колонны маяка, увидел коренастую фигуру Марио. Его подряженный поверенный успел переодеться в яркую рубашку и кремовые брюки, дудочкой. Закончив свой «дневной регламент», наверно дожидаясь шефа, чтобы отпроситься у того и покутить: прикидывая, как потратить честно заработанные деньги, как вкопанный стоял у ограждавших столбиков, перед которыми невдалеке кружились птицы. Да, фрегаты были, как ниспосланы ему самой судьбой. Он был спиной, засунув руки в брюки, и не двигался. Если б не увеличение бинокля, так всё тот же. Да не тот: поза была что-то больно основательна для будничных раздумий... С минуту поглядев на парня, Маркос зачехлил свой фотоаппарат, сунул в боковой карман газету, рассчитывая выкинуть ту где-то по дороге, и, раскидав поверх своих следов песок из кучи мусора, спустился через люк к мосткам. Чего-то не вязалось в его мыслях с первым впечатлением от этого ков-

боя. Ничем существенным не занятый, типичный шалопай и ловелас, желавший чем-нибудь прославиться, – и всё. Печально будет, если он ошибся!

Глава 4

Об эту пору покрытый каплями испарины, по пояс обнаженный и сердитый, Статиков сидел за передвинутым к окну столом в своей гостинице и тоже чертыхался, колдуя, перед запотевшей емкостью вина за 8€, которую достал из холодильника, с купленным в соседней лавочке техническим инвентарем – линейкой и двумя увеличительными стеклами. Вино было трехлетней выдержки, почти не опьяняя, тонизировало, чему он был обязан также тем, что утром положил бутылку в морозилку. Употреблять бы его стоило не так, и праздновать пока что было нечего, но от духоты внутри все пересохло, а весь бесплатный сок, который был, он уже выпил. Из дополнительных технических устройств в номере был только вентилятор и принятый холодный душ, по температуре как парное молоко, помог невелико. Сделав из стакана несколько глотков, он соединил две линзы так, чтобы добиться большей кратности, приблизил их к лежавшей с краю фотографии и стал исследовать структуру непонятого пятна, что было на вершине виноградного холма. Картинка была неустойчивой: обе линзы находились навесу в руках, а те были дрянным штативом; прежде требовалось навести одну из луп на резкость и после, отводя дыхание, пытаться совместить с ее фокальной плоскостью вторую. Бумага была тоже неудачной, глянец отражала свет, из-за чего изображение в глазах двоилось, и в поле зрения бегали мурашки. С помощью такого немудреного приспособления можно было разглядеть разве что занозу в пальце. Но кое-что он все же обнаружил. В пятне на фотографии располагались мелкие как бисер цифры. Идя дугой по контуру внутри пятна, они были вразвалку смещены и смазаны, – как на контрольном хаотичном фото-коде в появлявшемся окошечке, когда заводишь на ПК свой собственный E-mail. Вытерев ладонью взмокший лоб, он отглотнул вина из укороченного, с рожницей кота стакана и произвел еще одну попытку. Понятно, это было глупостью: даже если повезет и он сумеет хоть частично разгадать минускулы вкрапления, – что это даст? Две цифры – 93, которые он не настолько разглядел, как подсознательно домыслил по их дрожащим очертаниям, поскольку знал, что это телефонный номер кода Барселоны, положим, могли означать чего угодно. Если б еще дело было в них! Дав отдохнуть глазам, он отложил увеличительные стекла и, взяв линейку, приложил ее к колонне маяка. Та была по высоте четыре сантиметра, хотя ее реальные размеры составляли метров 20-ть. Разность от деления – 500, давала коэффициент для пересчета. При помощи линейки он сопоставил это с расстоянием от маяка до той площадки у рекламного щита, где припарковал автомобиль. С учетом стереометрического искажения все удаленные объекты должны были казаться ближе, чем это было на бумаге. Он снова взял одну из линз и стал разглядывать подножие холма, рожицу олив и конусную башню маяка, торчавшую на самом берегу как неприличный знак из оттопыренного пальца. На снимке была диспропорция, заметная лишь для того, кто видел это место и мог там осмотреться: мыс с маяком на фотографии был выпячен, оптически гипертрофирован. Но это было выполнено так искусно, что не нарушало цельности всего пейзажа, не резало глаза. Дома он бы ни за что не стал транжирить время на такие изыскания. Мелочность рациональных построений давала повод для самоиронии: перед нелегкостью поставленной задачи все то, чего он обнаружил вкупе с неразборчивыми цифрами в пятне, было таким мизерным открытием, что ничего не проясняло. Он обозлился, чувствуя, что тщится отыскать лазейку как ребенок в найденной копилке. В конце концов, он отложил весь инвентарь, подставил раскалившуюся голову под вентилятор и с удовольствием допил прохладное вино. Кажется, в его интуитивном восприятии под пеклом местных солнечных лучей произошел регресс. Женский ум не терпит сложностей, а уж в несчастьях и тем более: Елена была фантазеркой, но ей и в голову бы не пришло придумать что-нибудь такое. Если бы она и вознамерилась сделать в этой фотографии какое-либо указание, то уж наверняка бы обошлась без ухищрений, а постаралась сделать так,

чтоб это было ясно одному ему. Сама открытка с маяком, который был искусственно преувеличен, могла и быть таким намеком. Это хоть и придавало ее личной драме убого детективную окраску, но выглядело все же достовернее, чем то, чего он обнаружил. Еле различимые и перемешанные цифры в матовом пятне с расплывчатыми контурами незавершенной башни, – могли быть фото-трюком или, может, авторской пометкой какого-нибудь полоумного фотографа. Но так как никаких других подсказок не было, то в распоряжении его была всего одна зацепка, которая, если он сумеет ей воспользоваться, может привести его к Елене с сыном. Согласно информации Варыгина, сумевшего надыбать даже больше, чем пообещал, – южнее этого местечка, где-то в Барселоне, проживал приехавший сюда для бизнеса друг Кручнев – Лепорский, которого Елена называла «Лапа». По сведениям Варыгина тот обзавёлся здесь семьей. Фамилия *Лепорский* на испанский лад могла звучать иначе. Но в телефонном справочнике, который он листал вчера, каких-либо хотя бы отдаленных соответствий не было.

«Когда нет точных соответствий на бумаге, с чем в нашей пресной жизни доводится частенько сталкиваться, – пламенно приободрял на лекциях всех страждущих Максим, – ищите их в труднодоступных недрах собственного сердца».

Максим с его толстовской бородой, так же, как и Маша с добрыми и ясными глазами, были как в соседнем номере: стоило к ним постучать, назвать кого-нибудь по имени – и они тут же отзывались. Первой появлялась Маша и осеняла как крестом любящим ревнивым взором. Максим был менее чувствителен: глядя своим выпуклым, как скорлупа кокоса лбом над карими проворными глазами, сразу недовольно вопрошал: *ну, что еще?* Или же давал нещадные «астральные» тычки, чтоб Статиков не отвлекал его по пустякам. Лестно сознавать, что ты не одинок, когда не знаешь, как связать одно с другим, или если думаешь о чем-то отвлеченном, чего никак не сходится с твоими представлениями. В ложных ситуациях людей спасает юмор. Хотя сарказм над теми, кто тебе духовно близок, пожалуй, что примета своей слабости. Понятие о родине, которая была по ощущению и далеко и близко, не сочеталось у него с каким-либо конкретным местом на земле: ауру и жизнь любой страны всегда творили сами люди. Маша и Максим – также как и все, кого он близко знал когда-то, тоже были его родиной. Родиной, а не злокозненной державой. А что, они недурно бы поладили между собой, если б всей компанией сюда явились!

Подумав, что пора заняться делом, он поднялся. Убавив обороты вентилятора, и вывесив на дверь табличку, чтобы его не тревожили, лег на кровать с неубранной с утра постелью, прикрыл глаза и вытянулся, стараясь полностью расслабиться. Это было рядовое упражнение по концентрации, выработанное в ходе многолетней практики. Дома, до прихода Маши, он проводил такую процедуру ежедневно. Когда он добивался полного спокойствия и обращал свой взгляд на то, чего рассчитывал понять, перед глазами начинали проявляться либо формы тех ответов, которые до этого уж самочинно принял мозг, следуя всей сумме сознательно недоучтенных частностей, либо – чередующиеся друг за другом образы в той обстановке, которую он ранее не видел. Последнее являлось самым важным, ибо возникало априори и находилось за пределами рациональных объяснений, то есть – до каких-либо осознанных контактов с этой обстановкой и с людьми. Трудность заключалась в том, что приходилось контролировать увиденное так, чтобы не внести в него своим рассудочным воздействием какое-либо искажение, приостанавливать спонтанное развитие фантазии. Иначе говоря, нужно было концентрировать внимание на появляющихся образах, не отвлекаться и в то же время не мешать им трансформироваться, приобретать в мозгу другие соответствия.

Расслабившись, он сфокусировался мысленно на присланной открытке, так что и маяк и виноградный холм во всех деталях проступили в голове. Затем, думая о сыне и Елене, «отпустил» открытку. Она поблекла и куда-то понеслась как пущенный в ручей кораблик. Но он теперь был рулевым на том кораблике и мог им управлять. Перед глазами стали появляться, как прорезаясь из тумана, стойкие картинки вроде чередующихся слайдов. Сначала он уви-

дел, что едет побережьем по долине, перед подножьем отдаленных гор. Он знал, что должен с кем-то встретиться и чувствовал в душе сомнение: мозг находился меж двух крайностей, безгласно говорил то «нет», то «да». Затем дорога с листовым ландшафтом переменилась на чей-то особняк с двускатным треугольным мезонином. Ступени, множество ступеней лестницы, ведущей как в подвал. Он шел по этой лестнице, пока необъяснимым образом она не вывела его на берег, туда, где он сегодня был. Перед ним стоял тот коренастый парень, с которым он беседовал у маяка; чего-то говорил и всё показывал рукой на холм: одетый в зеленеющую сбрую виноградников тот был таким же, как на фотоснимке. Пытаясь угадать, что вызывает страх у паренька, он переместился в этом направлении. Увидел эстакаду, горы мусора и после, сверху, недостроенную башню. Там посреди дощатого настила, в легком тренировочном костюме, лежала по-пластунски женская фигура. Девушка смотрела вдаль. И у ее бедра в чехле еще чего-то было. Она хотела вынуть тот предмет, но ей никак не удавалось это сделать: руки заплетались, как это бывает у людей, вдруг потерявших зрение. Она привстала на одно колено, но тут ее фигура пошатнулась, провалилась. Он потерял ее в своем сознании и вновь переместился к маяку. В том месте на карнизе, где стоял сегодня утром, он на одно мгновение увидел мальчика с заплечным рюкзаком. Подле была женщина, которая все время нервно оборачивалась, если бы боялась, что ее увидит кто-то. Из-за ее спины светило солнце, оно слепило так же, как при встречах с Машей, когда она сидела возле его изголовья в изоляторе больницы. Да, похоже, это была Маша... Стоило о ней подумать, как вся картинка потускнела от целого букета вкрапшихся ассоциаций. Видение, и без того не больно ясное, так и осталось недосказанным.

Чувствуя покалывание в занемевших мышцах, он потянулся на кровати и открыл глаза. Если уж над восприятием возобладали «правильные» мысли, то дальше упражняться было тщетно. Теперь он мог попробовать уже рассудочно расшифровать, чего увидел. По зрительному образу та женщина, которая была там с его сыном, действительно напоминала Машу. Его желание по-своему преобразило ее облик: когда она оглядывалась, он видел в ней знакомые черты, но понимал, что это – не Елена и не Маша. В душе ему хотелось, чтобы та любящая женщина, которой не могло тут быть, каким-нибудь чудесным образом, но оказалась там, перед обрывом, вместе с этим мальчиком. Маша была легкой на подъем, но он не помнил, чтобы она была такой пугливой. Но это не могла быть и Елена. Не поднимаясь, он безрезультатно пробовал сосредоточиться на мыслях о своей жене, пока не убедился, что ассоциации с ней очень слабые. Стремясь представить, что могло случиться, он видел ее то смеющейся, какой она запомнилась, то немощно беспомощной, больной.

«Внутреннее видение может быть двух уровней», – разжевывал для начинающих сакральные азы Максим: «непроизвольным, мимолетно отдаленным, или же – сознательным, что достигается упорной концентрацией. Первое может быть наведено какими-либо внешними причинами, второе, при недостатке навыка, как говорят врачи, – латентными. И то и это может давать сбой, поэтому их надо разделять, смотря по цели. Требуемая чистота дается тренировкой».

Страхнув обрывки видения, и скинув лишнюю к ногам одежду, он энергично встал с кровати. Насвистывая менуэт из серенады Моцарта, протопал в этом виде в ванную и принял колоколом прыскавший, сиюминутно охлаждавший душ. Затем, легонько обмахнувшись полотенцем, и чувствуя прохладу испарявшейся воды на теле, минуту постоял перед окном. Каскадами коричневато-рыжеватых тесных крыш над стенами как облитых глазурью зданий приморский городок выглядел ненастоящим, пряничным. Но именно поэтому он мог понаравиться Елене. Опрометью уехав из своей страны и по пути исколесив шесть европейских государств, она наверно долго выбирала, прежде чем остановиться где-нибудь. Кроме неумности в своих запросах и фантазиях она была еще практична. И если эта хитроумная открытка послана

отсюда, то и ребенок должен находиться где-то здесь. Вывод был как бы сулящим что-то, подкупающим.

Одевшись, он заправил в джинсы свежую рубашку, переложил в них из бумажника пять осененных звездами купюр по 10 евро, затем, подумавши, добавил к ним еще одну; бросил взгляд на недопитую бутылку на столе и вышел. Весь прошлый опыт говорил о том, что это его наваждение во время медитации под действием второстепенных отвлекающих причин может не реализоваться. Оно могло оформиться во что-нибудь конкретное только при наличии устойчивого вектора его желания и совокупности усилий, направленных на то же с противоположной стороны, то есть положительного вклада чьей-то посторонней воли. Он отмечал это уже не раз, когда бывала надобность чего-нибудь решить. Так что если бы он был в своей стране, найти пропавшего ребенка труда бы не составило. Но это было дома, здесь люди думали не то чтобы иначе, да так от непонимания чужого языка казалось. Он помнил, что сказал Максим, когда он показал тому открытку, и, зная прозорливый ум приятеля, не мог рассчитывать на то, что ему дюже повезет. Да, ни разумом и ни душой Статиков не представлял, в какие неизведанные кущи он забрался!

На самом деле ту историю, в которую он волей случая попал, даже и при всей банальности служебных сцен, способных вызвать во вполне здоровой голове свои коллизии, нельзя было назвать в такой же мере заурядной. В едином поле разных личных интересов и безликих внешних факторов все составные элементы ее выстроились так, что образовали прихотливую мозаику. Известно, казовое человеческое бытие может протекать довольно гладко, пока мы, чаще по суетности души, не начинаем подвергать его анализу, желая или что-то изменить в своей действительности или уж тем более, когда хотим подняться в той на более высокую ступень. Та память прошлого, которую, порой, мы тщимся избежать, идет за нами и каждую минуту караулит, по опыту имея основания считать, что иногда полезно нам давать любовные затрещины или подножки. Сознание, которым так гордится человек, не есть чего-то объективное: данное нам в ощущениях, оно сплошная каверза, оно как шаловливый ручеек в лесу. И это проявляется тем чаще, чем больше мы используем для продвижения вперед подход основанный на качествах того же самого рационального ума, что склонен принимать любой «интуитивный» вздор за истину. И все же если мы, имея некоторую цель, осознаем самих себя как волевою независимую сущность и в то же время забываем о своем физическом лице, тогда мы в состоянии достичь такого просветления ума, что взаимодействие причин и следствий выходит из своей фатальной предопределенности. Дробно-мозаичная картина умозрительного образа приоткрывается и постигается уже как неотъемлемая данность собственного «я». Итог завит как от нашей воли, так и от того душевного материала, что еще ранее образовался, от каждодневных упражнений утончился в восприятии. Причем, если вы собрались это повторить, совсем неважно, что мы ищем или где находимся.

Если допустить, что вышесказанное – верно, то оно в полной мере относилось к Статику. Он был из тех, кому парящий дух, влекущий по пути самопознания, был вожаденнее любой утилитарной цели. В своих интровертивных погружениях и в том, что называют интуицией, он постепенно научился ориентироваться так же хорошо, как рыба в собственном пруду. Идя по жизни как натуралист, он мог одновременно проявлять и негибкость и гибкость. Бывало, что, упорствуя, он ошибался или спотыкался, набивая шишки, но никогда от малодушия не пробовал свернуть, пойти по кем-то уже проторенной стежке. В этом отношении знакомство с более продвинутым в духовных изысканиях Максимом, так же, как и сокровенные беседы с Шериветевым когда-то, сумевшим передать ему всего одну крупницу из сокровищниц своей души, в известном смысле было предначертано ему судьбой: все тянется к тому, в ком более всего нуждается. Но если малоприятельной морали Шериветева, с которым они более уже не виделись, надо было попросту внимать, прислушиваясь к ней как к звуку внутреннего

голоса, то о специфически рассудочном мировоззрении Максима они могли иной раз и поспорить. Действительно, все ли в жизни движется и развивается, как это следовало из его воззрений? И есть ли где критерий или некоторый предел у воздаяния? Ведь если человек осознает, что поступил несправедливо, то, думая об этом, он сам же себя и наказывает; не осознающей же того – во всем винит случайность или тех, кто косвенно причастен к его драме, и, стало быть, духовно не страдает. А если не страдает, значит, и не развивается... Такие рассуждения, связанные больше с коробом своих проблем, чем с жизнью в целом, стали посещать его, чем дольше он общался со своим приятелем. Сомнения, что теребили его, были разного характера, но в разговорах он старался их оформить штатно, увязывая с тем, к чему тот призывал.

– Да, я кое в чем с тобой согласен. Ты говоришь, что в отношениях между людьми пока все держится на соображениях узко понимаемой морали. Но если тот или иной критерий применим лишь в камерных масштабах, какой же смысл тогда вводить понятие «разумного пути»?

Одним воскресным днем, после ежемесячного сбора малой группы они шли по своим домам, что было минут двадцать по пути обоим. Максим, всегда невозмутимый как скала, был разгорячен от закоснелой глупости и непомерного корыстолюбия того, уже немало практикующего экстрасенса – сторонника «нетрадиционного» пути и своего давнишнего знакомого, с которым они коротко схлестнулись на собрании.

– Все это чушь! – воскликнул он. – Из всех разумных оснований они усвоили лишь принцип воздаяния, вывернутый ими наизнанку: за все, что делаешь, ты отвечаешь только сам, и чтоб никто в твои дела не лез. Никто не спорит, что у каждого есть право выбора. Но если человек сумел усовершенствовать себя, развиться на пути самопознания, так тот же мир им начинает видеться уже иначе. Прискорбно, что даже и из тех, кто хочет научиться, не все до этой планки дорастают. Так что же остается? Да, можно руководствоваться принципами этики. Хотя опять-таки – за вычетом того, чего тебе досталось от природы. Но разве нормы этики не нажиты в процессе благоразумного общения людей, не следствие развития?

Статиков позволил себе несколько не согласиться с этим утверждением, хотя и был его сторонником.

– Ну, ты ведь говоришь как человек, уже достигший этой *планки*. Сам же утверждаешь: луг разума цветет для всех, а видим лишь немногим. Вот и получается, – пришел мудрец, воткнул перед собой прутки какой-нибудь и так всю жизнь смотрел на выступающий конец того, чтобы сконцентрироваться. А как он умер, его адепты начали на тот прутки молиться, думая, что обретают благодать. Тот – *знал*, зачем он это делал. А эти – *верят*. А если у них власть, так и других на то настраивают. И как определишь: что разум, а что – этика?

При своей мощной кряжистой комплекции Максим шагал, или летел, по тротуару как самонаводящийся бильярдный шар. Пожалуй, еще более чем расточать слова, он не любил зря тратить время. Было просто невозможно приспособиться к движениям его несклепистой фигуры, которая вдруг произвольным образом меняла направление. Когда он видел, что обойти мешавшее ему препятствие или сократить здесь расстояние – удобнее, то делал это моментально. Катящимся беспечным колобком он мог казаться, если находился в более уравновешенном, медитативном состоянии. Сейчас за ним вздымался настоящий вихрь, поднятый эпюрами его энергии, и если б на дорожке были высохшие листья, они б фонтанчиком кружились вслед.

– Так что ж с того? – ответил он, помедлив. – Случается и так, как ты сказал. Хотя от мантр, если их с умом употреблять, как будто никому еще не становилось худо. Но если довести такой подход до крайности, он может привести к засилью по букве понятий традиций над изначальной истиной и разумом, к укоренению всеотупляющей авторитарности. Преобладание того, что преподносится раз установленным порядком, в истории всегда приводит к одному: борьба идет за ограниченность, а не за знания. Известно, что и наверху не самые разумные

гнездятся. Этика тут не при чем, уж такова природа: стоит утке в лужу влезть, за ней весь выводок потянется.

– Я и хотел сказать об этом, – на полушаге вставил Статиков. – То, что в отвлеченном разговоре может быть занятой темой обсуждения, своеобразной умственной конструкцией, на практике у многих махом переходит в жизнь, и закрепляется в пренебрежении к не чересчур разумным гражданам, обеспокоенным борьбой за выживание. То есть, если обобщить это, то ко всему народу. Я не имею в виду тут тебя или тот круг, к которому через тебя и сам теперь принадлежу. Но эту проповедь от разума, как это нынче вышло на собрании у твоего знакомого, какой-нибудь ханжа заведомо уж постарается использовать для оправдания своей морали.

Не убавляя шага, Максим расхохотался коротко и громко, чем сразу же привлек внимание прохожих. Они дошли до перекрестка перед сквером, где рос громадный старый дуб: кто-то подсчитал, что ему двести сорок лет, о чем свидетельствовала надпись тут же. Как памятник природы, он охранялся государством и вместе с выгравированной памяткой был декоративно огорожен от случайностей. Над этой кирзовой предусмотрительностью власти Максим имел обыкновение посмеиваться, она ему казалась поучительной. У дуба он остановился. После сбора малой группы они тут расставались, а если надо было неурочно что-то обсудить, так уж встречались в его «горенке». Статикова дома ожидала Маша, но он был рад тому, что этот разговор, который был ему по-своему необходим, все же состоялся и больше уж, на что хотелось бы надеяться, не возобновится. Приятель это видел и никаких претензий не имел. Он неоднократно приглашал Максима в гости; периодически передавала свои приглашенья и Маша. Тот не отказывался, но и не спешил воспользоваться приглашением. Зазнайства в этом не было: пока ему шестое чувство не подсказывало, он никогда и ничего не делал. Статиков не обижался на такую черствость, но Маша своим женским сердцем этого не понимала. Он вправду плохо представлял приятеля на положении обыденного гостя, жующего пирог с капустой и расточающего похвалы хозяйке. Такая номинация к его натуре уж никак не подходила. Но кроме этого была еще одна особенность, что делало салонное общение с Максимом умственно обременительным: в его присутствии нельзя было пускать на волю свои мысли.

Тот не преминул подтвердить это, с хохотом протягивая руку:

– Ага. Уж извини, я некомпанейский человек! Не то, что ты – счастливый. Так ты не меня имел в виду, когда об этике заговорил? – переспросил, посмеиваясь. – Ну-ну. Хоть и на том спасибо! Известно, яблоки червивыми бывают. Так что же их совсем не есть? Ты слишком много рассуждаешь. Я понимаю, это связано еще с болезнью роста. Я говорил уже: работать больше надо над собой. А в том, из каковых ты предпосылок будешь исходить, я сильной разницы не вижу. Так день за днем, пускай помалу, исподволь, но сосредотачивай свой взор на том, что скрыто. Улавливать мельчайшие подробности, входить в чужое состояние или умение воздействовать ситуацию – обычно не дается разом. Рассудочная целесообразность будет тут руководить тобой, или же ты будешь двигаться под парусом своих этических симпатий, – в тебе и то и это есть, – рассудишь сам, когда узришь божественный огонь в себе. И уж поверь, что это будет за границами любых теоретических пристрастий.

Глава 5

Припоминая эту их беседу, произошедшую задолго до отъезда, и, не пренебрегая познавательными элементами прогулки (один из методов, который он освоил, заимствовав такую же способность у Максима), Статиков неторопливо шел бокастыми, кокетливо виляющими улицами городка. Выводы из разговора представляли важность не только в отвлеченном плане, но и в практическом, более весомом отношении, поскольку отвечали на вопрос, зачем он оказался здесь, чего им движет, как именно и что он делает. Он понимал это еще и до поездки сюда, дома. Но там все было проще: он ежедневно делал упражнения по расслаблению и концентрации, а также ради заработка занимался переводами; внешняя же составляющая бытия, во многом хлопотами Маши, его почти, что не затрагивала. Предмет их разговора, – *вера* или *знание*, из-за чего в истории всегда ломались копыя, старая как мир дилемма. Своим порядком, как смысловое послесловие ко всей беседе, это относилось и к его работе. Если не считать того, когда он добивался этого искусственно, при долгом погружении в нее, случалось, возникали состояния душевного экстаза: не осознавая, как он это делает, и, не замечая ничего вокруг, он продолжал работать, минут на сорок выпадал из времени, испытывая после чувство эйфории. Понятно, что путь знания без озарения и искры веры тоже невозможен, во всяком действии есть стимул или свой противовес. Но если вдуматься, так эти состояния бывали у него и раньше, он ни на йоту не продвинулся в своем стремлении познать хоть часть чего-то необъятного. Видимо, он был в излишней степени рационален и самокритичен, чтобы узреть в себе тот просветляющий божественный огонь, о каковом все толковал Максим.

Со стороны мощеной площади, куда он вышел, приморский городок карабкался стекленными мансардами, крахмальной белизной фасадов с портиками и желтизной покатых крыш – на близлежащий холм, который был повыше и положе своего собрата, что зеленел от виноградных лоз на мысе. Поодаль город окружали горы, и все поселение на самом побережье – со стороны залива выглядело выросшей за свои первоначальные границы, с чертами полуитальянского, полумаавританского военного искусства крепостью. Местные испанки, которые согласно уверениям путеводителя в душе считали себя каталонками, вышагивали точно гурии в цветастых облегающих штанах, которые их строгие прабабушки могли бы счесть за панталоны, но были милосердны, расчетливо не переполняли чашу чувств. По образу, заложенному матерью-природой, это было против гласа сердца. Но если женщина разумна, она сообразовывает свою склонность с чувством меры, верно полагая, что при гармоничном сочетании воображения и вкуса, она в любом наряде грациозна, имеет свое мнение и зря не суетится, чтобы показать свои достоинства. И все же строгому изяществу фигур с умеренно игривой озабоченностью в лицах, как говорил его эстетствующий взгляд, пожалуй, больше подошли бы удлиненные и кружевные платья. Задумчивые молодые женщины с колясками или с подростками детьми, которых они, негодуя, волочили за руку, ходили, может, где-то в стороне, но на глаза не попадались. Летний отпускной сезон уже начался, хотя едва ли дело было в нем. Должно быть, своих чад, оставшихся на попечение семьи, матери вели туда, где веселее, в какой-нибудь волшебном оборудованный детский городок. У края тротуара был передвижной киоск. Молодцевато сложенный работник в белоснежном фартуке и в такой же кепке, – он ненадолго появился у бордюра, чтобы убрать посуду со столов под зонтиками, – бойко предлагал через окошечко фланирующим мимо горожанам радость прохладительных напитков в желтых одноразовых стаканах и разноцветное мороженое. Он был так поворотлив, что очередь не успевала скапливаться. Последний паренек в распахнутой рубашке, вихрастый и черноволосый, взял кофе с торчащей из стакана трубочкой и, отойдя в сторонку, стал прохаживаться взад-вперед как тетерев во время брачного периода. Вослед за ним перед киоском остановилась пара средних лет. Муж-

чина в фиолетовой футболке со словом «GO» на спине, как подошел к прилавку, вынул из кармана свой мобильный телефон. Пока он отвечал на срочный вызов и заодно разглядывал трех облаченных в мини-шорты девушек, которые чирикали под финиковой пальмой, взгляд женщины придирчиво исследовал ассортимент, и ее полная рука с двумя перстнями тыкала во что-то пальцем. Заметив, что мужчина говорит не с ней, она взглянула на него, затем метнула взгляд по направлению трех юных искусительниц под пальмой, качнула головой и, ничего не выбрав, зашагала дальше.

Метров через шестьдесят площадь каменистым основанием сливалась с улицей, которая на глаз должна была тянуться к побережью и огибала холм с еще видневшейся на возвышении и позади гостиницей. С той стороны навстречу выкатила выючная открытая повозка. Она была с велосипедными колесами и от испаряющейся влаги с недавно политой, лучистой площади ободьями двоилась над поверхностью дороги как мираж. Когда она подъехала поближе, в ней можно было разглядеть картонные коробки, ступеньками поставленные друг на друга, и сбоку – несколько картин, коли судить по очертаниям прямоугольных зачехленных рам. Картины были сложены в наклон, рядком одна к другой, кусок материи с передней съехал, приоткрывая часть лица с морщинистым высоким лбом и вороними, густо маслянистыми глазами; требовательно и удивленно те наблюдали за передвижением. Пренебрегая недовольным выражением портрета, повозка ехала вперед. Натружено пружиня на рессорах, катила вдоль стоявших в ряд домов; двух, цвета абрикоса, столиков под зонтиками; молодцеватого разносчика в окне, под вытянутой броской надписью на трейлере – «heladeria & cafeteria • cold drinks, ice cream»; и мимо трех щебечущих под пальмой девушек. Бричкой управлял, толкая сзади рукоять из двух жердей с нахлесткой, широкогрудый мускулистый парень в джинсах. Он видел приоткрывшееся полотно в своей тележке, но останавливаться не хотел. И как бы в компенсацию за недосмотр – цесарское выражение лица с портрета, с радушием поглядывал по сторонам, кивал прохожим.

Пройдя по площади, Статиков зашел на улицу, откуда появилась бричка. Мостовая была выложена здесь чем-то наподобие бетона с гравием и через минуту разделилась надвое, упершись в невысокий, клином рассекающий ее жилой квартал. Перед трехэтажным бутовым торцом была куртина с зеленью, за ней, над бортиком чернел сквозной проем, и в застекленной нише сверху было изваяние, которое он поначалу принял за фигурку Богородицы: стекло подковой окаймляла рамка и, как он ни вставал, отсвечивало. Он так и не сумел понять, была ли это Богородица или же Святой Георгий со своим копьём, культ которых почитался в Каталонии. Над изваянием на подоконнике была еще одна куртина с яркими цветами, два голубоватых лепестка опали и прилепились к мертвенно шершавому карнизу ниши.

Рассчитывая все же выйти к морю, он повернул от углового здания налево. Противоположные дома по эту сторону стояли так, что улочка трехкратным эхом отражала звук шагов, и скоро привела в тупик. Под сводом арки был подъезд, а на фасаде, выше, выступал балкончик с завешенной куском материи по кремовому цвету стен как нарисованной, ненастоящей дверью. Прохода дальше не было. Расстроившись, он повернул обратно. Он думал, что, минуя площадь, выйдет напрямиком на набережную, где, может быть (а почему и нет?), прогуливается в этот час Елена с сыном. Ей нравились открытые пейзажи в стиле Айвазовского, и этот городок по одному тому мог что-нибудь напомнить ей и приглянуться. Надеясь на такую встречу, на то, что их сведет желание обоих, в душе он чувствовал одну помеху. Дома эта встреча представлялось ему буднично, но здесь его уверенность начали подтачивать сомнения. Во-первых, если у Елены что-нибудь случилось, то ей не до прогулок. А во-вторых, если бы ребенок был без матери, он мог не узнать того: пока они не виделись, парень должен был и сильно вымахать и измениться. Думая об этой встрече, он отгонял прочь пасквильные мысли и все же чувствовал давившую на мозг растерянность, которая бывает у давно не видевших своих детей отцов.

Развернувшись и вскоре снова оказавшись перед бутовым торцом, где было в нише изваяние, он обошел тот и зашагал по правой, сопредельной улочке, которой, сколько он ни шел, всё не было конца. Она застенчиво терялась спереди между смыкавшихся фасадов, которые, стоило лишь подойти поближе, расступались. Улица вела куда-то вдоль подножия холма, что было видно по забирающейся вверх сплошной растительности за домами. От пройденной развилки он миновал четыре поворота, прятавшихся за углами зданий, но мостовая все петляла и петляла. Давние, но крепкие постройки были трехэтажными с оштукатуренными, выкрашенными в кремовую гамму или выложенными камнем стенами, и со шпалерами лазающей флоры на фасадах; архитектурным стилем те слабо отличались друг от друга. Пока он шел – минут двенадцать по часам – навстречу не попалось ни одной живой души. Было впечатление, что этот романтичный закоулок городка еще не вышел из дневной сиесты, – то ли почивал, то ли занимался чем-нибудь не менее насущным. Статиков обычно хорошо ориентировался, но из-за того, что улица петляла, как повторяя уже пройденный маршрут, ему казалось, что он сбился с направления, в котором шел до этого, и опасался, что может во второй раз забрести в тупик. На уровне второго этажа он, наконец, увидел женскую фигуру. Девушка ухаживала за рассадой на балконе. Звук приближавшихся шагов между домов был таковым, что она должна была бы их услышать.

Не зная, как она поймет его, он остановился под балконом. Еще один язык он знал, но разговорный навык не был так хорош. «*May I trouble you to ask?*» – отрепетировал он прежде про себя, подумав, что девица может знать английский. И ту же фразу произнес.

Гортанный выкрик напугал ее. Она оставила свое занятие, бросила взгляд за спину, как будто там сидел в засаде переводчик, и вызывающе сложила руки на груди.

– Buenos tardes! – с запинками исправил он свою оплошность. – *Saldré al mar?*⁴

На этот раз она отзывчивее посмотрела сверху, воздействуя кружением своих красивых ног, сделала широкий жест рукой и рассмеялась.

– *Quien busca halla. No tenéis prisa, el señor! El estar de pie no da la razón. No tenéis prisa.*⁵

Чтобы не смущать ее, Статиков прошел еще по мостовой из-под балкона.

– Я не понимаю, – без толку сказал он, стараясь вспомнить, как это будет по-испански. – *De nada he... Usted habla inglés?*⁶

– No! – произнесла она. И так азартно завладела своей лейкой, что несколько разгоряченных капель брызнули на голову.

Наверное, она еще смотрела ему вслед, как это делают все женщины, когда мужчина чем-нибудь их поразил: когда ты потерпел в своих глазах фиаско, то можно все утешать себя таким соображением. Ну да, и если они знают, что этот их пытливый взгляд никто не видит.

Идти назад, чтоб подставлять себя под стрелы девичьей насмешливости, было неохота. Но нескончаемая улица, которой он упрямо шел, минуты через три преподнесла подарок: сделала еще один излом и, что уже ничуть не удивило, вывела из закоулков напрямик к его гостинице. Имея в своем тайном арсенале наводящий инструмент, жизнь делала шлепки, если он излишне полагался на свои рациональные способности. Хотя на что еще рассчитывать, если ты не знаешь улиц города и языка? И все-таки по ряду статистических невзгод подобного характера в случайность злоклучения ему не верилось: думая о сыне, он для чего-то должен был проделать бестолковый крюк, чтобы пораньше оказаться в своем номере. Пройдя по площади вокруг стоянки автотранспорта, где был в числе 3-4-х машин его «Сеат», он озадаченно остановился перед приветливым и почему-то сразу опостылевшим подъездом. Да, городок любил исподтишка преподносить загадки! Повторять прогулку было глупо, и он, досадуя на эту

⁴ Добрый вечер! Я выйду к морю? (исп.)

⁵ Кто ищет, тот обрящет. Не торопись, господин. В ногах правды нет (исп.)

⁶ Я ничего не... Вы говорите по-английски? (исп.)

незадачу, вошел в пленительно дезодорированный чем-то вестибюль. Его апартаменты нельзя было назвать роскошными: когда он накануне проезжал здесь, этот туристический приют в три этажа, который днем перед соседними домами выглядел непрезентабельно, своей крутящейся по ободу горошиной в рекламе сразу же попался ему на глаза.

За фанерованной окатистой конторкой дежурил тот же вислоухий парень, что и накануне. Взгляд его был чрезвычайно обаятельным и настоятельным. Намереваясь что-то сообщить, он мелко улыбался, как это делают официанты и портье, чтобы не обеспокоить своей постной миной. То ли это было где-то зафиксировано, то ли он запомнил, что светловолосый господин из 18-го номера не понимает по-испански.

– Сэр, вам письмо, – сказал он на коверканном английском, виртуозно развернулся, вынул из ячейки и протянул конверт.

Думая, что тот ошибся, Статиков забрал послание, взглянул на адрес и удивленно посмотрел на парня. С фронтальной стороны конверта была указана одна его фамилия, выведенная буквами латиницы, и больше никаких помет, касающихся отправителя. Маше он звонил, когда приехал, так что она знала о его координатах. Но уж по-всякому письмо никак бы не могло быть от нее.

– Не ожидал, что у меня тут есть знакомые! – сказал он тоже по-английски. – Могу узнать я, от кого?

– Принес какой-то малый. До этого он позвонил, спрашивал о вас, но вы уже ушли из номера.

– А почему вы думаете, что это он звонил?

Служитель посмотрел, как если бы вопрос его обидел.

– Простите, сэр. Но у обоих манера разговора та же.

Поднявшись лестницей в свой номер, который был на самом верхнем этаже, Статиков присел за стол с бутылкой недопитого вина и недоуменно повертел в руках конверт. Письмо могло быть только от Елены. Выходит, она знала о его приезде и чувство, что за каждым его шагом здесь следят, не было таким обманчивым. Меж тем он знал, что это чувство появилось много раньше, еще, когда он брал в прокат автомобиль в Мадриде, ему казалось, что кто-то дует ему в спину... Да, было бы забавно, если он, желая отыскать ребенка, невольно угодил бы тут в какой-нибудь дурацкий переплет! Конверт был тощим. Он оторвал прозрачную на свет бумажную полоску сбоку. Внутри был рукописный лист с дорожной схемой, названиями населенных пунктов на испанском языке, проставленным километражем и крестиком, не доезжая Барселоны, где, видно, был закопан драгоценный клад. Снизу был добавлен семизначный, без дефисов, номер телефона и указаны координаты GPS для навигатора. Ни дня, когда его, насколько можно было догадаться, будут ожидать в том пункте с крестиком, и никаких имен или приписок не было.

Он отложил малопонятное послание, отнес еще наполовину полную бутылку с вином в холодильник, достал оттуда упаковку жареной картошки с рыбой, которую купил вчера, присел и с жадностью перекусил. Письмо одновременно было четким, поскольку требовало от него конкретных действий, и расплывчатым. В предместье Барселоны ему, похоже, назначали рандеву, но было непонятно, с кем или зачем. Он взял листок и, взглядываясь в тот, попробовал сосредоточиться на схеме с крестиком у поворота. Но кроме тех фрагментов видения, когда он занимался медитацией, в голову ничто не шло. Мысли были супротивными и убегали в сторону: все упиралось в номер телефона. Несобразная прогулка настолько его вымотала, что он уже не полагался на свои способности. Вино тут не могло помочь. В сумке у него был припасен флакончик со спиртным, приобретенный в зоне аэропорта в Мадриде, где он арендовал автомобиль, рассчитывая, что этот марочный Scotch Whisky когда-то может пригодиться. Он отыскал пузатую бутылочку, открыл и сделал три глотка, чтобы взбодриться. Все было что-то чересчур уж сложно. Ему любезно предлагают выехать куда-то. А если так, то, стало быть,

здесь нет Елены. Допустим, она где-то ждет его и этот телефон – ее. Но если так, она могла бы сразу позвонить в гостиницу или уж хотя бы что-то написать в своем послании, а не обставлять это такой загадочностью, как будто намертво забыла свой родной язык. Он отложил конверт с дорожной схемой и задумался. На продуктивность мозга виски плодотворно не подействовал, все умозаключения казались неразумными. Выбитый из колеи своим никчемным путешествием по городу и этим неожиданным известием, он был не способен здраво рассуждать. Не зная же причин, которые руководили теми, кто пожелал остаться неизвестным, можно было без толку предполагать чего угодно.

Часы показывали около пяти. Встав из-за стола, он снял с себя одежду и прилег. За час ему необходимо было отдохнуть, чтобы подняться с посвежевшей головой. Возможно, он чего-то упустил до этого, когда разглядывал открытку с маяком. А после, как очнется, так это сразу же придет на ум. Шторы не были задернуты, падающий в окна свет напоминал о времени, которое он, в общем, пока попусту провел тут. Сейчас ему бы полагалось бодрствовать, а не дремать! Он знал, что если встанет, чтоб задернуть шторы, то уже не ляжет. И отвернулся от окна. Утром эта сторона была на солнцепеке, но после двух часов, тоже как бы отдавая дань сиесте, номер погружался в тень, жара спадала, так что... Нет, это «так что», как ни ходи вокруг да около, здесь ровно ничего не значит! Пробуя не думать ни о чем – и все же думая о Маше, он вытянулся на кровати и прикрыл глаза.

– Ты хочешь невозможного. Жизнь так устроена, что начинается у большинства с ажурной беззаботной радуги, а завершается в пастельных серо-фиолетовых тонах. Когда ты мне рассказывал в больнице о своих видениях – и чисто умозрительных, когда бывал в себе, и тех, что были вызваны болезненной галлюцинацией, – ведь ты же знаешь, что я воспринимала их не так, как мне полагалось по профессии. Я верила тебе. Хотя бы потому, что и сама хотела, чтоб так было. Верю и сейчас. Но то, чего ты хочешь, так же как и что ты можешь, сознательно отпущено не всем. Ты сам же это признаешь и вместе с тем стремишься наделять своим мировоззрением и ощущением весь мир. Пускай мы оба понимаем, что так правильней. Но мы так и живем, работаем и делаем, что можем. Ты тоже помогаешь незнакомым людям. И главное – мы счастливы. Разве одного того уж мало?

Они шли вдоль ограды набережной крутого волжского откоса. Небо было ясным, на солнце припекало. Посредине протяженной черной полыньи, проделанной радением речной флотилии, вдоль посеревших и потрескавшихся кромок ледостава, все еще покрытого у берегов, как взбитый крем с бананами, грядой торосов, плыли оторвавшиеся кромсанные льдины. Приметив рыбу в плещущейся у краев воде, на льдины слаженно садились чайки. Прижатые течением и напиравшими соседями, большие льдины задевали за мерзлый панцирь по бокам, у кромки превращая его в крошево, или откалывали мелкие куски, и те кружились, точно разрыхленный пенопласт в их шлейфе, сбивались от легкого водоворота в кучу – и, налетая друг на друга, расплывались. Со стороны реки до слуха доносился треск, который уносил по руслу вдаль весенний теплый ветер. У самой полыньи он мог быть громче. Чайки, то ли испугавшись шума, то ли следуя тут птичьей групповщине, срывались с кочевавших льдин и всей кулигой улетали.

Маше было свойственно все подвергать анализу. Все, за исключением их отношений, в чем можно было усмотреть противоречие. Она была с предьявленной прохожим непокрытой головой, объята кудерьками, в спортивной куртке, повязанной у ворота оранжевым шарфом, концами опускающимся вниз, и в кожаных полусапожках на высоком каблуке, в которых могла безопасно шествовать по лужам.

– Чего ты смотришь на меня и все молчишь? Мы уже не дома. На людях мне бывает нелегко угадывать, чего приходит тебе в голову. Ты снова скажешь, что если я оказываюсь в чем-то обществе с тобой, то начинаю рассуждать как все – по-женски. Ну, то есть, приземлено.

Я знаю, что ты хочешь как бы полного бессмертия. Какого только? Духовное – и так при нас. Я не за себя, а за тебя боюсь: по-моему, ты можешь понапрасну растерять все то, чего тебе дано природой. Люди понимают чью-то широту души, когда им плохо. Но по преимуществу все они большие эгоисты.

Под действием весны на Машу что-то накатило.

– Я тоже эгоист. И что такого мне дано?

– Я знаю – что. Неважно. И, наконец, когда ты познакомишь меня с этим сверхталантливым Максимом? Потом, надеюсь, у нас все же будут дети.

Если уж ее чего-нибудь и подвигало на такой душевный разговор, то она пыталась осветить весь круг вопросов за один прием.

– Дети у нас тоже будут. Но ты и говоришь теперь как маленькая эгоистка.

– Ну да. Я эгоистка. Всё, что говорят о полном бескорыстии в любви, обычно – чушь. Я просто женщина. Да, я могу пойти на жертву, если буду знать, что близкому мне человеку станет лучше. С какой вот только стати из-за каких-то отвлеченных предпосылок – не знаю, как это еще назвать, я должна лишать себя того, что мне присуще?

Статиков обнял ее. Маша говорила так, когда была настроена критически, хотя отлично знала, что не лишится того *главного*, что было в ней, до самой смерти. По пустякам они могли полемизировать и рассуждать о чем угодно и как бы их ни разводили врозь дневные хлопоты, душой они не расставались. Оба это знали и никогда не прибегали к выяснению семейных отношений. Но это не лишало Машу женской склонности использовать все средства для осуществления своей задачи. Как это случается у психотерапевтов в контакте даже с близкими людьми, она хотела испытать лабильность его психики. И ей не так хотелось признаваться в том, что дело еще – в некоторой ревности к Максиму.

– Я думаю, что он придет, когда почувствует, что можно. Я тут не при чем, так уж он устроен. В теории он превозносит чистый разум, а в жизни все равно стремится воссоздать вокруг себя гармонию, такой порядок, который выше прежнего. А это неосуществимо без насилия или без нажима. Ну, люди это так воспринимают. Но если он чего-то видит, понимает и желает это изменить, то у него это выходит моментально, как по «щучьему велению». Вот он и не хочет раньше времени вторгаться в нашу жизнь, как модельер с пока что недоступными вещами.

– Как модельер? Ты говорил, что он на шифоньер похож.

Маша улыбнулась – и потупилась. Кажется, ей приглянулся кто-то из прохожих.

– Не беспокойся, на полках шкафа я бы навела порядок! Но если он владеет таким особым пронизательным умом и осторожен, то ты не думаешь, что он тебе подчас чего-нибудь не договаривает?

– Чаще всего, так и есть. Но я не обижаюсь.

– Я имела в виду кое-что другое, – настойчиво сказала Маша. – Ты уже показывал ему эту открытку?

– Нет еще. Но ты права. Если он увидит в этом явную угрозу для меня, то он предупредит. Но если будет неопределенность, он ничего не скажет. В одном я убежден: где бы я ни находился...

– Ой, какое благозвучие! Столько дифирамбов! Ты не боишься позабыть себя? Ты так увлечен своей работой, переводами. Ну да, я женщина, поэтому все время думаю об этом. И я его не знаю. Но я заметила, что при одном звуке его имени ты начинаешь рассуждать его словами.

Когда она так говорила, то лучше было сразу соглашаться.

– Ага. Как ты, порой, моими или я твоими. Ладно, я проконтролирую себя.

Они дошли до ведомственного дома с балюстрадой у подъезда, где Статиков когда-то жил, еще до клиники, до судьбоносной встречи с Машей. (Она была догадлива – сразу же

ускорила шаги, взяв его для убедительности под руку). Знакомое окно на третьем этаже, где раньше находилась детская, горело под лучами солнца жарким всполохом. А через два окошка – была спальня, откуда он неоднократно видел эту набережную. В общем-то, он распростился с этой памятью. И если они проходили тут до этого, то, думая о том, что «распростился», как бы проверяя себя, он мимоходом, вскользь поглядывал на эти окна. Но он тогда не знал, что в силу обстоятельств ему придется вскоре вылететь в Испанию. И поднимая взгляд на этот дом, обычно думал, что от той жизни, которую он здесь провел, в его сознании остались только головешки. Теперь же, после сообщения родителей Елены и ее открытки, лишь усугубившей неизвестность, сказать о прошлом как о головешках он уже не мог. Маша сердцем понимала это. Максим, когда она о том заговорила, был вспомогательной защитной темой для нее. Она сейчас шагала обок с ним, та женщина, которую он более всего любил, и осторожно вслушивалась в его мысли. И почему всегда такое чувство рядом с ней, когда они идут вдвоем по улице, когда они идут вдвоем, когда они идут, когда они, когда...?

– Ты думаешь о головешках и о сыне? или о своем Максиме? – тепло и назидательно промолвила она. – Я знаю, если ты поедешь, то найдешь *его*.

Ровно в шесть часов Статиков очнулся бодрым и окрепшим. Он мог поздравить себя с полным выполнением намеченной программы: чувствовал такой прилив душевных сил, что мог бы хоть сейчас отправиться в дорогу. Но он решил, что следует сперва пойти под душ. В ванной он с шампунем вымыл голову, досуха растерся полотенцем и уже в комнате обрызнулся парижским спреем, купленным в дороге. Затем при помощи заботливо положенного Машей в сумку кипятыльника нагрел стакан воды, вылил половину в раковину и приготовил быстрорастворимый кофе из пакетика. Оказывается, номер телефона в полученном послании фотографически запечатлелся в памяти и, теребя воображение, крутился на уме. Он подошел к столу, чтобы себя проверить. 8721736. Все правильно. Допивши кофе, он сел у изголовья на кровать, где был на тумбе телефонный аппарат, вишнево-белой гарнитурой развернул к себе тот и набрал на кнопках номер. Зуммер на другом конце никак не реагировал. Думая, что он чего-нибудь напутал или, торопясь, забыл набрать последнюю «шестерку», он еще раз нажал на ту же кнопку. Но результат был нулевым. Решив, что аппарат хандрит и надо доставать свой широко затратный сотовый, он от досады ткнул по двум соседним кнопкам. Соединение сработало, послышался гудок.

«Diga!» – ответил в трубке женский голос.

– Perdonen, usted habla inglés?

«En inglés? No hablo inglés. A quien...?»

Статиков еще раз извинился и повесил трубку: он понял, что при наборе допустил ошибку. В Испании все номера у телефонных абонентов были шестизначными или семизначными, но прежде надо было набирать двузначный код провинции, куда звонишь. Так что если это место возле Барселоны, то соответствующий телефонный префикс должен быть бы – 93. Он повторил набор уже с девятизначным номером. Из трубки донеслись гудки, но к телефону что-то все никто не подходил.

«Al aparato» – раздался, наконец, мужской ленивый голос.

Думая, что лучше выяснить уж все зараз, Статиков решил не истязать того своим испанским языком.

– Я получил письмо, в котором есть ваш номер телефона, – отчетливо сказал он.

Трубка замерла, как если б микрофон зажали на другом конце ладонью. Затем промямлила, как бы с трудом и с вялой интонацией переходя на русский:

«Как вас зовут?»

– Сергей.

«Понятно, что Сергей. Простите, но я должен убедиться. Вы можете сказать, когда и где вы познакомились с женой?»

– С Еленой?

– А что, у вас жен много было?

Статиков сказал, что спрашивали, без удовольствия припомнив эту сцену.

«Что, прямо с новогодней вечеринки дала деру с вами? – вполне ожил на русском сленге голос. – Она мне тут чуток запудрила мозги, когда про вашу встречу заливала. Но это на нее похоже! Вот что. Вопросов никаких не задавайте. Схема у вас есть. Старайтесь выехать пораньше завтра на своем сеате. Там, где указано, вас встретят. И не впадайте в мистику: вы просто ищите свою жену и всё».

Он глубокомысленно умолк, видимо, решив закончить разговор.

– Я не ее ищу, а сына! – рявкнул Статиков. – Скажите, он у вас?

«Я же вас предупредил? (Голос был и терпеливый и уставший, как у людей, которым раз от разу приходится давать однообразные распоряжения или отвечать на глупые вопросы) Здесь все узнаете. Сразу видно, из России. Смотрите, хоть уж не убейтесь по дороге!».

Произнеся от сердца гневную тираду на раздавшихся гудках, Статиков повесил трубку. Зачем понадобилось с посыльным тайно присылать это письмо, где был указан телефон? Его разыгрывают как желторотого юнца и убеждают, что хотят помочь. Пусть так и есть, кто-то вызвался скоординировать его шаги. Но не понимал, к чему такая конспирация, и рассвирепел от всей услышанной белиберды. Его предполагаемый земляк толком ничего не сообщил, тень на плетень навел, а сам предостерег от мистики, что безо всякого сомнения не обошлось без наущения Елены. И все же никаких других возможностей, чтобы узнать, как разыскать ребенка, не было. Следовательно, завтра утром он должен выезжать. Шагнув к столу, он взял подброшенный листок с маршрутной схемой, взглянул на крестик после поворота, думая сосредоточиться на том, и подошел к окну. Да, город невелик, так что можно было бы легко узнать, где он остановился. Но как они узнали про «Сеат»?

Сбоку от отеля каменная улица машистыми ступенями карабкалась между домов на холм. С глухими, как заколоченными и никогда не открывавшимися деревянными воротами, она была сейчас в тени и кроме трех фигур, спускавших с горы, безлюдна. Далее, за зданием гостиницы она соединялась с небольшой торговой площадью, где было выделено место для парковки легкового транспорта приезжих. Днем от мельтешащих покупателей у магазинов перед отелем было суетливо, но ближе к вечеру, ибо это место находилось в стороне от центра, истертая брусчатка площади пустела. По улице спускался сверху смуглый парень с девушкой. Его борода, от висков до подбородка, показалась Статикову больно уж знакомой. Не доходя гостиницы, он остановился и стал рукой показывать куда-то своей спутнице. Объект, по направлению которого он тыкал пальцем, находился за углом, так что из окна не видно было, что его могло привлечь. Шествующий метрах в двадцати пяти от них спортивного сложения мужчина, помахивая перед собой от духоты газетой, тоже приостановился. Он оглянулся, как бы что-то вспомнив, но передумал возвращаться и живо прошагал вперед. Жестикуюлируя, парень увлеченно продолжал чего-то объяснять своей прелестной спутнице. По татуировке на запястье и другим приметам, Статиков узнал в нем того самого помощника смотрителя, с которым разговаривал сутра у маяка. Девушка тоже показалась ему хорошо знакомой: это была вроде та насмешница, которую он видел на балконе, когда гулял по городу и заблудился. Тогда она смотрела сверху, но он запомнил ее подбородок с такой же детской ямочкой, что и у Маши. Сейчас она была одета по-другому, более нарядно. Но зрительная память у него была отличной, и он не мог сказать, чтоб все испанки были на одно лицо. Сцена на покато́й мостовой перед гостиницей происходила не более пятнадцати секунд. Выразив лицом решительный протест, не соглашаясь с тем, что говорил ей парень, девушка рассерженно мотнула головой, и они продолжили дальше.

Не различая всех деталей панорамы, Статиков смотрел на улицу, берущую начало где-то в нижней трети того самого холма, вдоль которого он проходил до этого. Ему казалось, с ней должно быть что-то связано: не многовато ли уж всяких совпадений за один неполный день? В такие преходящие случайности, когда тебя некстати обливают из окна водой или ты встречаешь в самых неожиданных местах людей, которые имеют отношение к твоим делам, ему не верилось. Он мог бы еще допустить, если б вся тому подобная возня с привкусом шпиономании, происходила около персоны Кручнева, с которым была тесно связана Елена. Но если тот и был замешан в каких-нибудь преступных махинациях, то находился далеко от этих мест. Человек, с которым он недавно разговаривал по телефону, и каковым, скорее всего, был приятель Кручнева – Лепорский, недаром остерег его, чтоб он не поддавался мистике и постарался не разбиться по дороге. От недостатка информации мысли не могли оформиться во что-то цельное: рассудком он всё отрицал как полную бессмыслицу, а оттого что был не в силах увязать одно с другим, чувствовал себя разменной фишкой в запутанном клубке чьих-то нерешенных темных дел. Могло ли это быть хоть как-то связано с Варыгиным, за помощью к которому он обратился перед вылетом? Те сведения, которые тот раздобыл, не были такими уж конфиденциальными, но само то, что он куда-то обращался, могло сыграть запалом, насторожить кого-нибудь из тех людей, кто занимался этим делом. Варыгин, впрочем, сам был темная лошадка, что дополнялось еще общим социальным фоном: по мере затянувшегося кризиса и одномоментных, политического свойства неувязок в России точно в приступе горячки наблюдалось маниакальное единство и расслоение в умах. В нравственно-духовной номинации люди обессилили, как говорил Максим. Экономическому спаду, как следствие всегда сопутствует падение морали, если – не наоборот. Так что, пробуя найти какую-нибудь подоплеку всего того, с чем здесь столкнулся, он мог не без причин подумать, что и на громадном удалении от лихорадившей страны шлейф происходящего там тянется за ним. Пусть так. Хотя при чем тут он, приехавший в Испанию лишь с тем, чтобы увидеть собственного сына?

Он не ошибался в самых общих интеллектуальных построениях, так же как и в том, чего увидел за окном. На улице перед гостиницей был, в самом деле, Марио – поверенный и незадачливый подручный Маркоса. Имен обоих Статиков не знал. И все-таки судьба распорядилась так, что в поисках ребенка ему помог никто иной, как этот резвый итальянец.

Глава 6

Простившись утром возле заградительного тына у обрыва с Маркосом, Марио не сразу одолел противный паралич в своих конечностях. Поглядывая в спину складной удалявшейся фигуры и чувствуя холодный пот на лбу, нетвердо, точно ватными ногами он зашагал к своей каморке. После непростого разговора ему хотелось опрокинуть рюмочку другую горячительного, остыв, осмыслить всё услышанное и поскорей переодеться, чтобы опять почувствовать себя в своей тарелке. Он видел крадущуюся поступь Маркоса: тот шел как люди зверски осторожные, шествовал спокойно и брезгливо, не перешагивал, а будто обходил малейшие препятствия, которых вообще-то на утоптанной дорожке не было. Ну, разве что своими ястребиными глазами он различал микроскопические трещинки, поросшие травой канавки или, может быть, небрежно брошенные группой девушек с вчерашнего туристского автобуса фантики конфет. Марио хоть и старался всеми силами не обнаружить свое отношение, да только уж в минувшей деловой беседе ему не все понравилось. До этого, когда они встречались в городе, в последовательных аргументах Маркоса, ему казалось, были убедительные доводы. Но тот или сознательно умалчивал о том, что Марио не полагалось знать, или от пренебрежения не договаривал чего-то главного, точно игнорировал его самостоятельность – с такой же вот брезгливой утонченностью, как шел, думая, что он за всё уж заплатил. Но Марио мог схватывать меж слов, что надо, и он не шпингалет, какого можно подцепить такой напыщенной галиматьей на удочку. И все же этот парень щедро рассчитался за не такую уж и крупную услугу, глядишь, прикинул он, когда-нибудь еще раз обратится, чтобы обеспечить кругленькой добавкой к жалованию. И он решил прикинуться пеньком, как делал это перед полицейскими в участке, когда те проводили рейд в Палермо, чтоб для профилактики забрать кого-нибудь. Он постарался подольститься к Маркосу, изобразил, что он наивен, как не целованная девственница, не в меру любопытен и доволен.

Пару лет назад его очередное увлечение в родном Палермо, где он работал по ночам электриком в порту, грозило перейти в мало желательный – и для него и для его родительской семьи, законный брак. Девушка была официанткой в том кафе, куда он заходил со своей компанией, чтобы обсудить текущие дела и выпить пива. Стоило б заметить, их боевая политическая группа была хоть куда! Полиция им тут нехило льстила тем, что причисляла к праворадикальной партии, смешивая с *Forza*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.